

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПАДЕЖИ В УРАЛЬСКИХ, АЛТАЙСКИХ
И ПАЛЕОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКАХ»

Тезисы докладов
международной научной конференции
Санкт-Петербург / Online, 21–23 октября 2021 г.

Санкт-Петербург
2021

Международная конференция «Падежи в уральских, алтайских и палеоазиатских языках». Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург / Online 21–23 октября 2021 г. — СПб.: ИЛИ РАН, 2021. — 72 с.

Редакционная коллегия:

А. Ю. Урманчиева (отв. ред.),
В. В. Баранова, Е. В. Головкин, М. З. Муслимов,
М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская, А. М. Певнов,
Е. В. Перехвальская, Ф. И. Рожанский, А. С. Сметина

Рецензенты:

М. Ю. Князев, А. А. Сюрюн

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований
Российской академии наук

ISBN 978-5-6044839-4-7

ISBN 978-5-6044839-4-7
DOI 10.30842/9785604483947

© Коллектив авторов, 2021
© ИЛИ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Абрамовиц, В. Р. Дедык. Корякские эргативный и творительный падежи как две разных категории	5
Н. Я. Булатова. Падежная парадигма в языке эвенков России и орочонов Китая	7
Д. В. Герасимов. Сравнительные конструкции с фиксированным оформлением стандарта как окно в падежный синтаксис.....	9
Е. В. Головкин. «Два башмака, а какие разные судьбы»: алеутские падежи в сравнении с эскимосскими	12
М. Д. Люблинская. Падеж — не падеж.....	13
М. З. Муслимов. Терминатив, абессив и комитатив в прибалтийско-финских языках и диалектах Ингерманландии.....	16
Г. А. Некрасова. Двойное падежное маркирование в пермских языках.....	19
И. П. Новак. Падежная система памятника тверской карельской письменности — перевода «Евангелия от Марка».....	21
С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова. Выражение аблативных значений в нанайских языках	23
Д. А. Парамонова. Типология «точечных» контактных локализаций в уральских и алтайских языках (на материале корпуса переводов Нового Завета).....	26
А. М. Певнов. О происхождении нового аллатива в ульчском языке.....	29
Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус. Падежные формы в функции наречий времени в водском и ижорском языках	32
Н. В. Сердобольская. Генитив за пределами именной группы: данные удмуртского языка.....	35
А. Ю. Урманчиева. Выбор аккумулятивной или немаркированной формы в объектной позиции в лесном ненецком	38
R. Abramovitz. Deconstructing inverse case attraction.....	41
M. Bernhardt. The synthetic and analytic local cases in Moksha.....	43
A. Bugaeva. On the exclusively borderline case-marking in Ainu.....	45

I. Burukina. Dative subjects and possessive markers in infinitival clauses in Meadow Mari.....	49
M. Dailidénaitė. Livonian jussive object marking in the Baltic Finnic context.....	51
C. D'Antonio. Case, case particles, and information structure in Yamada Yoshio.....	54
R. Erkkilä. How to distinguish between semantically close cases: A case study on Mordvin illative and lative.....	56
E. Gruzdeva. Case marking in (con)verbal morphology in Nivkh.....	58
J. Janhunen. Issues of comparative Uralic and Altaic Studies (10): On the dative-locative case markers in Mongolic	61
T. Koivunen, R. Erkkilä. The interaction between spatial cases and relational nouns in the Uralic languages of the Volga-Kama area.....	62
E. Perekhval'skaya. Dative case in Udihe: Semantic map	64
P. Pleshak. The status of Dative case in the Moksha case paradigm..	68

Корякские эргативный и творительный падежи как две разных категории

Р. Абрамовиц, В. Р. Дедык
(*Massachusetts Institute of Technology*;

Камчатский институт развития образования)

Введение. Во всех чукотско-корякских языках (корякский, алюторский, чукотский, керекский) аффиксы эргативного и творительного падежей совпадают в первом склонении. Этот факт проиллюстрирован в примерах (1)–(2) (все примеры из чавчуженского диалекта корякского языка). В (1) существительное *talanaŋ* ‘молоток’ занимает позицию подлежащего переходного глагола. В (2) то же существительное находится в позиции адъюнкта-инструмента. Падежное окончание слова ‘молоток’ совпадает в этих двух случаях: $-(t)e/-(t)a$. В результате этой омофонии все известные нам описания чукотско-корякских языков предполагают, что то, что мы называем эргативным и творительным падежами, есть одна морфосинтаксическая категория (т. н. *эргативо-творительный падеж*), объединяющая две грамматические функции, показанные в (1)–(2) [Жукова 1972; Dunn 1999].

- (1) *talanaŋ-a* \emptyset -*jət̃eimaw-nin*
молоток-ERG 2/3.S/A.IND-разбить-3SG.A>3.O
ektəkojŋ-ə-n
ваза-EP-ABS.SG
‘Молоток разбил вазу’.
- (2) *qet̃eɣəlqot-ə-nak* \emptyset -*jət̃eimaw-nin*
Хечгылхот-ep-erg 2/3.S/A.IND -разбить-3SG.A>3.O
ektəkojŋ-ə-n *talanaŋ-a*
ваза-EP-ABS.SG молоток-INST
‘Хечгылхот разбил вазу молотком’.

Эмпирическое открытие. Сопоставляя дистрибуцию ИГ с окончанием $-(t)e/-(t)a$ с дистрибуцией их эквивалентов

в других склонениях, мы доказываем, что анализа, объединяющего корякский эргативный и творительный падеж, не может быть. В частности, мы показываем, что окончания второго и местоименного склонений, используемые для маркирования подлежащих переходных глаголов (*-nek/-nak* и *-nan*), не могут маркировать ИГ в несубъектных позициях, в которых допускается *-(t)e/-(t)a*. Один из примеров такой позиции — подлежащее номинализации, как в предложении (3). Эта позиция может маркироваться творительным падежом вне зависимости от переходности глагола. В то время как существительное первого склонения (*эпрэ́тсэ́н* ‘старик’) может занимать эту позицию, ни местоимение, ни существительное второго склонения (личное имя *э́вныто*), маркированные предполагаемым эргативно-творительным падежом, не могут. Другие синтаксические позиции, иллюстрирующие то же обобщение, включают инструментальные адъюнкты и косвенные дополнения в творительном падеже. В действительности у второго и местоименного склонений систематически дефектная парадигма: ИГ этих склонений не могут быть использованы в несубъектных позициях, где используются слова с окончанием *-(t)e/-(t)a*. Этот факт не предсказывается анализом, объединяющем эргатив и творительный падеж в единую категорию.

- (3) *э́нqaj-at-үэ́жэ-э-n*
 храпеть-VB-NMLZ-EP-ABS.SG
 {*э́нqэ́тсэ́-е / *үэ́т-nan / *э́вныто-nak*}
 {старик-INST / 1SG-ERG / Эвныто-ERG}
 Ø-itt-i *н-э-ме́жэ-qin*
 2/3.S/A.IND-быть-2/3SG.S ADJ-EP-большой-ADJ.SG
 ‘{Стариково / *мое / *Эвнытово} храпление было громким’.

Вывод. Окончания *-nek/nak* и *-nan* являются показателями эргативного падежа, и *-(t)e/-(t)a* является показателем как иэргативного, так и творительного падежа. То, что ИГ на *-nek/nak* и *-nan* не могут использоваться во всех

синтаксических позициях, в которых могут использоваться ИГ на $-(t)e/-(t)a$, ясно показывает, что омофония между эргативом и творительным в первом склонении — случайная. Из-за отсутствия метасинкретизма постулирование объединенной эргативо-творительной морфосинтаксической категории не представляется возможным.

Литература

- А. Н. Жукова. *Грамматика корякского языка: фонетика, морфология*. Л.: Наука, 1972.
- M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999.

Падежная парадигма в языке эвенков России и ороحوнов Китая

Н. Я. Булатова
(ИЛИ РАН)

Язык эвенков России и язык ороحوнов Китая принадлежат к тунгусо-маньчжурской языковой семье и имеют статус исчезающих. До конца первой трети XX века отдельные группы эвенков, живших в Амурской области, Забайкальском крае и Бурятии, носили название «орочоны». В 1930-е годы Постановлением правительства СССР они включены в состав эвенков, а разновидности вариантов языка общения между ними включены в региональные говоры эвенкийского языка. Иная картина сложилась с языком ороحوнов КНР. Ороحوны (орочен, орончун, олунчун) — этнос, компактно проживающий на северо-востоке Китайской Народной Республики (горно-таежные районы на севере провинции Хэйлуцзян, Автономная Республика Внутренняя Монголия). По данным Всекитайской переписи населения 2010 года численность ороحوнов Китая составляла 8650 человек. Сами ороحوны КНР считают себя отдельным этносом, а свой язык самостоятельным орочонским

языком. Таким образом, в недалеком прошлом эвенки России и ороконы КНР, считавшие себя единым народом, исторически оказавшись в трансграничных условиях, пошли разными путями. Исследования языка ороконов лингвистами КНР предпринимаются только с середины XX века.

Сопоставление падежной парадигмы эвенкийского и ороконского языков позволяет сделать следующие выводы:

- Склонения именных слов в обоих языках в основном соответствуют друг другу.
- Наблюдается корреляция суффиксов с учетом закономерных фонетических соответствий.
- Эвенкийский язык демонстрирует более развитую систему падежей (до 12–13 падежей, в ороконском выделяется 7 падежей).
- Все падежи ороконского языка, за исключением родительного, аналогичны системе падежей эвенкийского языка, т. е. родительный падеж в настоящее время в эвенкийском не выделяется, хотя нужно отметить, что Г. М. Василевич в своей работе «Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка» [Василевич 1948: 40–41] его включала в парадигму склонения. Сейчас же подобные формы классифицируются как притяжательные формы. Родительный падеж в языке ороконов имеет показатель *-ни*: *коханџи тэтин* ‘одежда ребенка’. Во время полевой работы мы записали вариант этого суффикса *-ни*: *амини āвун* ‘шапка отца’.
- Выделенные ранее в эвенкийском языке направительно-местный и направительно-продольный падежи в настоящее время практически не употребляются [Булатова 2002: 11]. В ороконском эти падежи не отмечены.
- В ороконском языке отсутствует совместный падеж, имеющий значение лица, вместе с которым производится действие. Его функции выполняет творительный падеж: *Амтылди эмэргирэн* ‘С родителями пришел’. В некоторых говорах эвенкийского языка совместный

падеж отмечен в форме *-гали* (прибайкальские и тунгирско-зейские) и *-тай* (чульманско-гиллойские).

Литература

- Г. М. Василевич. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз, 1948.
- Н. Я. Булатова. *Эвенкийский язык в таблицах*. СПб.: Дрофа, 2002.

Сравнительные конструкции с фиксированным оформлением стандарта как окно в падежный синтаксис¹

Д. В. Герасимов
(ИЛИ РАН)

При описании языков мира перед исследователями нередко встает вопрос о разграничении падежных аффиксов и адлогов, традиционно противопоставляемых по степени морфологической связанности [Plank 1991]. В то же время, в большинстве версий современной генеративной лингвистики падежное оформление и соединение именной группы с адлогом описываются различными синтаксическими механизмами. Таким образом, возможны ситуации, когда морфологически самостоятельная единица озвучивает морфосинтаксический признак падежа [Baker 2015: 18, fn.9] или, напротив, связанная морфема оказывается поверхностной реализацией вершины категории Р [Ibid.: 2, fn.2; den Dikken & Dékany 2018]. Однако собственно синтаксические критерии для различения «глубинных» падежей и послелогов в таком понимании до сих пор остаются крайне слабо разработаны [Baker 2015: 13] (см. также [Haspelmath 2018: 480–481]).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-70009 «Грамматические особенности тюркских языков Поволжья».

Мы попытаемся предложить один такой критерий (пусть и не претендующий на универсальность), связанный с поведением приименных маркеров в составе группы стандарта в компаративах и эквативах. В языках с локативной стратегией оформления сравнительных конструкций (таковы практически все языки Евразии за пределами Европы и ЮВА [Stassen 2013]) стандарт сравнения оформляется показателем, имеющим валентность на именную группу; соответственно, неименные стандарты для присоединения такого маркера должны так или иначе подвергаться номинализации. При этом различные падежные формы в этом отношении ведут себя неодинаково. Так, в примере (1) из чувашского (малокарачкинский говор) при сравнении двух реципиентов суффикс объектного падежа как бы вытесняется аблативом, выступающим в качестве маркера стандарта. В то же время в (2) локативный стандарт подвергается номинализации при помощи посессивного суффикса, сохраняя в своем составе показатель локатива:

- (1) *xër.ateä-ja aržn.ateä-ran nomaj-rak parne*
 девочка-OBJ мальчик-ABL много-CMPR подарок
par-za
 давать-CV_SIM
 ‘Девочке подарили больше подарков, чем мальчику’.
- (2) *san ate-u-zam kil-de vaxət*
 ты.GEN ребенок-P_2SG-PL дом-LOC время
nomaj-rak irt-ter-etë
 много-CMPR проходить-CAUS-NPST.3PL
uram-r-in-dæn
 улица-LOC-P_3-ABL
 ‘Твои дети больше времени проводят дома, чем на улице’.

Подобный контраст естественно интерпретировать таким образом, что группы с ролью реципиента, оформленные объектным падежом, и группы с ролью места, оформленные локативом, в чувашском языке относятся к разным

синтаксическим категориям (предположительно NP и PP). Такой анализ позволяет эмпирически проверить для широкого круга языков гипотезу [Baker 2015: 289] о том, что формы лексических падежей синтаксически представляют собой адложные группы. Немногочисленные тюркские и уральские языки, для которых доступны систематические данные, уже демонстрируют некоторую любопытную вариативность в данном отношении. В докладе предлагаемый анализ будет проиллюстрирован преимущественно на материале чувашского языка (собственные данные) в сопоставлении с башкирским [Тихомиров 2017] и горномарийским [Синицына 2019].

Литература

- Ю. В. Синицына. Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя *-la* // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XV, Ч. 2, 2019. С. 265–297.
- Д. О. Тихомиров. Неканонические стандарты сравнения и фазовый подход к изучению компаративов в башкирском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XIII, Ч. 1, 2017. С. 423–438.
- М. С. Baker. *Case: Its principles and parameters*. Cambridge: CUP, 2015.
- М. den Dikken & É. Dékany. Adpositions and case: Alternative realization and concord // *Finno-Ugric Languages and Linguistics*. Vol. 7, No. 2, 2018. P. 39–75.
- М. Haspelmath. Review of Baker (2015) // *Studies in Language*. Vol. 42, No. 2, 2018. P. 474–486.
- F. Plank. From cases to adpositions // N. Pantaleo (ed.). *Aspects of English diachronic linguistics*. Fasano: Schena, 1992. P 17–61. [Revised from *EUROTYP Working Papers* VII/13 (1992)].
- L. Stassen. Comparative constructions // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: MPIEVA, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/121>

«Два башмака, а какие разные судьбы»: алеутские падежи в сравнении с эскимосскими

Е. В. Головко
(ИЛИ РАН)

Родство между алеутским языком с одной стороны и эскимосскими языками с другой стороны сегодня не подвергается сомнению. На отношения родства впервые указал Расмус Раск (см. [Thalbitzer 1921]), и с тех пор появляются работы (хотя и не очень многочисленные), в которых это родство обосновывается. При этом надо заметить, что, несмотря на большой прогресс в этой области, до сих пор остаются открытыми многие вопросы даже относительно родства внутри эскимосской группы, не говоря уже о соотношении эскимосских и алеутского языков. Соответственно, и все попытки реконструкции праязыка выглядят не вполне убедительными.

Можно сказать, что применительно к падежной системе и к синтаксическому устройству упомянутых языков в целом главным вопросом остается следующий: какая из представленных в современных языках систем была первичной — алеутская или эскимосская. Синтаксис современных эскимосских языков отличается вполне типичным эргативным устройством, в то время как для алеутского языка характерен редко встречающийся принцип анафорического согласования с топиком (т. е. сказуемое согласуется с предупомянутым топиком и, таким образом, именно за топиком закреплен контроль кореферентных связей). При этом в эскимосских языках два синтаксических падежа, абсолютный и эргативный, а также 4–5 локативных падежей. В алеутском также два грамматических падежа, абсолютный и относительный; функции локативных падежей выполняют многочисленные послелого.

В докладе будет представлена попытка внести вклад в дискуссию о происхождении алеутской синтаксической

системы с опорой на анализ падежных систем. В частности, во многом вслед за Кнутом Бергсландом (см., напр., [Bergsland 1997]), будет сделан предварительный вывод о том, что скорее в конкретном случае первичным был принцип, на котором основана эскимосская синтаксическая система. Таким образом, попытки построить общую теорию эволюции синтаксических систем (ср. реакцию в свое время на пионерскую статью Ч. Ли и С. Томпсон: [Li, Thompson 1976]) не всегда представляются обоснованными — недооценивается роль фактора случайности в истории языка.

Литература

- K. Bergsland. How did the Aleut languages become different from the Eskimo languages? // O. Miyaoka, M. Oshima (eds.). *Languages of the North Pacific Rim*. Vol. 2. Kyoto: Kyoto University, 1997. P. 1–18.
- C. N. Li, S. A. Thompson. Subject and topic: A new typology of language // C. N. Li (ed.). *Subject and Topic*. New York: Academic Press, 1976. P. 457–489.
- W. Thalbitzer. The Aleut language compared with Greenlandic // *International Journal of American Linguistics*. No. 2, 1921. P. 40–57.

Падеж — не падеж

М. Д. Люблинская

(ИЛИ РАН — ИНС РГПУ им. А. И. Герцена)

Сегодня в грамматике ненецкого языка всеми школами выделяется 7 падежей — 3 субъектно-объектных, из которых можно только неопределенную форму считать несомненным падежом, и 4 локативных, показатели которых также выражают временное значение при маркировании зависимого предиката. ЛЭС дает достаточно широкое определение «ПАДЕЖ — грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или

к высказыванию в целом, а также всякая отдельная *граммема* этой категории (конкретный П.)» [ЛЭС 1998].

Парадигма существительного в ненецком не была определена сразу. В описании Г. Н. Прокофьева [1937] именно парадигма из семи падежей выделяется как основная парадигма безличного склонения. Но Георгий Николаевич к ней добавляет еще две дополнительные формы: совместного и назначительно-превратительного падежей. Форму совместного падежа образует показатель-послелог *ня* (более поздняя форма *ня* 'с кем-либо' [Терещенко 1965]), назначительно-превратительный падеж образуется показателем *-нэ* (*нэ*^о в обозначении финской школы), образовавшимся от основы *нэсь* 'быть' в ненецком языке. Словоформы с таким показателем считаются в последних по времени грамматиках ненецкого языка наречными формами с превратительной или собирательной семантикой [Буркова 2010: 348]. И. Николаева называет эту форму 'essive adverbial form' [Nikolaeva 2014: 39]. Как 'essive-translative' ее характеризует Лотта Ялава в типологическом обзоре *Uralic Essive and the expression of Impermanent State* [Jalawa 2017].

При такой характеристике форма теряет модальность долженствования, отмеченную Прокофьевым. При этом примеры Лотты Ялава показывают регулярное использование модального глагола *тарась* с этой формой.

В последующих работах в грамматике ненецкого языка показатель совместного падежа *ня* рассматривается как послелог, *-нэ* — как словообразовательный формант, опущенный в некоторых описаниях [Терещенко 1965; Куприянова и др. 1977]. Омонимом показателя совместности является сегодня в ненецком показатель *ня* 'по направлению к чему-либо', выступающий как послелог.

В описании грамматики нганасанского языка Н. М. Терещенко показывает, как по общей модели образуются формы с назначительно-превратительным значением (транслативные) в четырех самодийских языках от соответствующих глаголов со значением «быть», причем только в нганасанском языке такая

форма сохранилась как «аналитическая падежного характера» [Терещенко 1979: 93].

В нганасанском языке Т. Ю. Жданова трактует как дополнительные падежные формы образования с совместным (*на-*) и дательно-направительным (*дя*) формантами, причем в нганасанском языке они не являются уже омонимами, как в ненецком [Жданова 2001: 406].

В ненецком языке формы совместного действия в дальнейшем были отнесены к послеложным конструкциям, поскольку показатель совместности следует после притяжательного показателя, тогда как настоящие падежные показатели в притяжательной парадигме предшествуют притяжательным. По этой причине и показатель нганасанской дательно-направительной формы *дя* следует рассматривать как послелог, а не как падежную форму.

Литература

- С. И. Буркова. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Н. Б. Кошкарёва, С. И. Буркова, Н. М. Янгасова, Р. И. Лаптандер. *Диалектный словарь ненецкого языка*. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179–341.
- Т. Ю. Жданова. Грамматические таблицы нганасанского языка // Н. Т. Костеркина и др. *Нганасанско-русский и русско-нганасанский словарь*. СПб: Просвещение, 2001.
- ЛЭС — В. Н. Ярцева (ред.). *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1998.
- Г. Н. Прокофьев. Ненецкий (юракосамоедский) язык // *Языки и письменность народов Севера*. Ч. 1. М.–Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1937. С. 5–52.
- Н. М. Терещенко. Краткий грамматический очерк ненецкого языка // Н. М. Терещенко. *Ненецко-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 859–942.
- Н. М. Терещенко. *Нганасанский язык*. Л.: Наука, 1979.

- З. Н. Куприянова, Л. В. Хомич, М. Я. Бармич. *Ненецкий язык: учебное пособие для педагогических училищ*. Л.: Просвещение, 1977.
- L. Jalawa. Essive-translative in Tundra Nenets // C. de Groot (ed.). *Uralic Essive and the expression of Impermanent State* (Typological Studies in Language, 119). Amsterdam — Philadelphia: Benjamins, 2017.
- I. Nikolaeva. *A Grammar of Tundra Nenets* (Mouton Grammar Library, 65). Berlin — Boston: Mouton de Gruyter, 2014.

Терминатив, абессив и комитатив в прибалтийско-финских языках и диалектах Ингерманландии

М. З. Муслимов
(ИЛИ РАН)

Для водского, ижорского языков и финских диалектов Ингерманландии характерны падежные системы с довольно большим числом падежей, основная часть которых присутствует во всех этих идиомах. В то же время терминатив, абессив и комитатив находятся на периферии падежных систем этих идиомов, поскольку присутствуют не во всех диалектах водского, ижорского и ингерманландского финского. Кроме того, некоторые свойства этих трех падежей сближают их с послеложными конструкциями. Доклад посвящен сравнению особенностей данных падежей в разных прибалтийско-финских языках Ингерманландии. Мы собирали данные по сохранившимся к началу XXI идиомам Ингерманландии с 1998 по 2020 год, и данный доклад основывается в основном на нашем полевом материале, а также на работах П. Аристе, А. Лаанеста, М. Леппик, Е. Б. Маркус и Ф. И. Рожанского.

С ареальной точки зрения по отношению к данным трем падежам можно выделить несколько ареалов в Ингерманландии: 1) нижнелужско-водский ареал, 2) сойкинский ареал, 3) западноингерманландский ареал, 4) центрально- и североингерманландский ареал. К западноингерманландскому ареалу мы относим приходы Новасолкка и Молосковицы, к центрально-

и североингерманландскому — большую часть Ингерманландии к востоку от линии Волосово.

Терминатив на *-ssa(a)* присутствует в нижнелужско-водском и сойкинском ареалах [Лаанест 1966: 104], причем показатель терминатива по ряду свойств больше похож на послелогои, чем на падежные аффиксы. В частности, он не имеет сингармонических вариантов, согласуемое определение не принимает этот аффикс, оставаясь обычно в форме иллатива. Аффикс *-ssa(a)* обычно присоединяется к форме иллатива, однако в нижнелужском ижорском он может присоединяться и к чистой основе, которая не употребляется самостоятельно: *louna-ssa* ‘до обеда’ (*louna-ks* ‘обед.TRANSL’, *lounəd* ‘обед’).

Абессив на *-(t)ta/-(t)tä* ранее был характерен для всех прибалтийско-финских идиомов Ингерманландии, однако к настоящему времени абессив от имен вышел из употребления во всех ареалах, кроме центрально- и североингерманландского ареала, однако и там он употребляется далеко не всеми носителями. Наиболее прочные позиции абессив сохраняет в колтушско-ряпювяском диалекте. Абессив от 3 инфинитива (супина, МА-инфинитива) по-прежнему сохраняется во всех ареалах. Для абессива от имен также характерно отсутствие согласования, согласуемое определение, если оно есть, получает показатель партитива:

- (1) *män-i-n metsää ilman suur-ta*
идти-IPF-1SG лес.ILL без большой-PART
koira-ta
собака-AB
‘Я пошел в лес без большой собаки’.

Комитатив *-(n)ka/-(n)kä* присутствует только в нижнелужско-водском ареале, при этом данный ареал можно разбить на четыре подареала: 1) водский, 2) северный нижнелужский (включая курголовский финский и северные говоры нижнелужского ижорского), 3) южный нижнелужский ижорский, 4) дубровкинский. Как и для терминатива и абессива,

для коминатива характерно отсутствие согласования, согласуемое определение получает форму генитива. При этом морфонологические свойства данного показателя различаются в этих трех ареалах. В первых двух подареалах и дубровкинском показатель *-ka* присоединяется к форме генитива, однако в курголовском финском и северном нижнелужском ижорском генитив выражается аффиксом *-n*, что в итоге дает показатель *-nka/-nkä*, подчиняющийся сингармонизму. В водском и дубровкинском генитив имеет нулевой показатель и может отличаться от номинатива только основой (в единственном числе), и согласный *n* в показателе комитатива отсутствует, причем в водском данный показатель не подчиняется сингармонизму. В южном нижнелужском ижорском этот показатель присоединяется к генитивной основе, а не к форме генитива, у определения генитивный показатель сохраняется. В *Таблице 1* приводятся краткие сведения об этих трех падежах в разных ареалах.

Таблица 1.

	нижнелужско- водский ареал	сойкинский ареал	зап.- ингерм. ареал	центр.- и сев.- ингерм. ареал
терминатив	есть	есть, наряду с последложной конструкцией	нет	нет
абессив от имен	исчез	исчез	нет	есть
комитатив	есть	нет	нет	нет

Двойное падежное маркирование в пермских языках

Г. А. Некрасова

(Институт языка, литературы и истории

Коми Научного Центра УрО РАН)

Двойным падежным маркированием называется наличие двух различных падежных суффиксов в составе одной словоформы. Такое явление зафиксировано во многих языках мира (монгольских, австралийских, тибето-бирманских и др.), в том числе и в отдельных финно-угорских языках. В пермских языках представлены следующие типы двойного падежного маркирования:

1) *Эллиптический* (Simple headless adnominal).

Представлен во всех пермских языках, широкое распространение получил в удмуртском языке: удм. *Елабужской ёрослэн одйг сельсоветэз пыриз Алнаш-лэн-а-з* [Алнаши-GEN-ILL-POSS3.SG]. ‘Один сельсовет Елабужского района вошел в Алнашский [район]’.; кз. *Менам пасекай ёллі Македон-лөн-сянь* [Македон-GEN-EGR] *неылын.* (И. Торопов) ‘Моя пасека была недалеко от пасеки, принадлежащей Македону’.; кп. *Налён кучиккез ёллісё сосед-дез-лөн-ся* [сосед-PL-GEN-COMP] *унажык да буржыкось.* (Баталов) ‘Пушнина у них была в большом количестве и качественнее, чем у соседей’.

2) *Деривационный* (Derivational).

В коми языках на основе генитивной формы образуются косвенные падежные формы личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч., ср. кз., кп. *ми* ‘мы’, *миян* [МЫ.GEN] ‘наш’, кз. *миян-лысь*, кп. *миян-лісь* [МЫ.GEN-ABL] ‘у нас (взять)’, кз. *миян-лы*, кп. *миян-лӧ* [МЫ.GEN-DAT] ‘нам’, кз., кп. *миян-ӧн* [МЫ.GEN-ISTR] ‘нами’.

3) *Сложение локативных суффиксов* (Case stacking).

Типичным примером являются показатели приблизительно-местных падежей коми языков, которые сформировались в результате слияния суффикса аппроксиматива и суффиксов остальных местных падежей, ср. *керка-лань* ‘в сторону дома’, *керка-ланьысь* ‘со стороны дома’, *керка-ланьын* ‘около дома’ и т. д.

4) *Дублирование падежа вершины именным зависимым* (Headed adnominal with a case-marked head).

Наблюдается при инверсии и парцелляции: удм. *Марья вужжем дйськутъ-ёс-сэ* [одежда-PL-ACC] *вурьлйз-кышьялляз, Иван-лэсь-сэ* [Иван-AVL-ACC] *ёз, аслэсьтыз-зэ* [свой.AVL.3SG-ACC]. (Удмурт дунне, 2012.09.19) ‘Марья зашивала-штопала старую одежду, не Ивана, а свою’.

5) *Плеонастический* (сочетание двух падежных суффиксов, дублирующих одно и то же значение):

а) Дублирование морфологического выражения падежа. В отдельных срединных и северных удмуртских говорах в результате двойного маркирования аккузатива местоимений мн. ч. 1-го и 2-го л. возникли суффиксы *-дыс* < *-ды* + *-ыз* и *-ысты* (*-эсты*) < *-ыз* (*-эз*) + *-ты*. В коми-зырянском языке зафиксировано дублирование морфологического выражения генитива и датива личных и усилительно-личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. суффиксами генитива и датива существительных (кз. *менам* [я.GEN] ~ *менам-лён* [я.GEN-GEN] ‘у меня, мой’, *меным* [я.DAT] ~ *меным-лы* [я.DAT-DAT] ‘мне’).

б) Дублирование выражения семантико-синтаксической функции падежа. В коми-зырянском языке наблюдается одновременное употребление суффиксов элатива и компаратива при выражении сравнительного значения (кз. *вок-ысь* [брат-EL] ~ *вок-ся* [брат-COMP] ~ *вок-ся-ысь* [брат-COMP-EL] *ыджыдджык* ‘старше брата’). В удмуртском языке зафиксировано дублирование выражения темпорального значения суффиксами датива и терминатива (*жыт-озь-лы* [вечер-TERM-DAT] ‘до вечера’).

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; COMP — компаратив; DAT — датив; EL — элатив; GEN — генитив; ILL —

иллатив; INSTR — инструменталь; PL — множественное число; POSS — посессивность; SG — единственное число; TERM — терминатив.

Языки: кз. — коми-зырянский; кп. — коми-пермяцкий; удм. — удмуртский.

Падежная система памятника тверской карельской письменности — перевода «Евангелия от Марка»¹

И. П. Новак
(*ИЯЛИ КарНЦ РАН*)

В 1820 г. в Российское библейское общество поступила рукопись перевода Евангелия от Марка «Маркешта Святой Ювангели»², выполненного тверскими священниками Г. Е. Введенским и М. А. Золотинским. Долгое время памятник оставался неизвестным лингвистам, пока не был обнаружен в 1959 г. языковедом Г. Н. Макаровым, подготовившим и опубликовавшим его первую расшифровку [Макаров 1971].

Перевод Евангелия от Марка, наряду с переводом Евангелия от Матфея, выполненным теми же переводчиками несколькими годами ранее, являются первыми полнотекстовыми переводными памятниками тверской карельской речи и вплоть до конца XIX в. единственными, в связи с чем занимают особое место в процессе изучения истории карельского языка. В переводах представлен толмачевский диалект собственно карельского наречия начала XIX в., т. е. того периода, когда, с одной стороны, в языке еще сохранились отдельные архаичные черты древнекарельского языка, а с другой, уже наметились основные маркеры, характеризующие тверскую диалектную речь.

¹ Исследование проведено в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 808. Оп. 1. 1820 г. Д. 313. Л. 62–99.

В рамках доклада планируется проанализировать падежную систему языка перевода Евангелия от Марка на основе корпуса и конкорданса текста³ с привлечением к сравнению описаний грамматической системы тверского карельского языка [Беляков 1948; Пунжина 1975; Новак 2020], а также полевых материалов экспедиции 2020 г. к карелам Тверской области.

Для языка перевода характерно наличие 13 падежей.

Таблица 1. Частота встречаемости падежных форм, падежные форманты

Падеж	Встречаемость, %			Падежные форманты
	всего	ед. ч.	мн. ч.	
номинатив	28,6	23,53	5,07	–, <i>-ть (мн.)</i>
партитив	15,67	12,55	3,12	<i>-ӱ/-ӱ; -ӱ/-ӱ, -ӱ, -та/-тя, -да/-дя; -я (мн.)</i>
адессив	15,35	9,91	5,43	<i>-лла/-лля</i>
генитив	13,93	10,85	3,08	<i>-нӱ; -(i)ӱнӱ (мн.)</i>
аккузатив	9,14	7,34	1,8	–, <i>-нӱ, -тӱ</i>
иллатив	5,13	4,11	1,02	<i>-хӱ, -зӱ, -же</i>
элатив	4,22	2,8	1,42	<i>-шта/-штя, -ста/-стя</i>
инессив	3,2	2,58	0,62	<i>-шша/-шшя, -сса/-сса</i>
эссив	1,86	1,33	0,53	<i>-на/-ня</i>
аблатив	1,25	1,12	0,13	<i>-лда/-льдя</i>
инструктив	0,76	0,06	0,7	<i>-нӱ</i>
транслатив	0,62	0,6	0,02	<i>-кши, -кси</i>
абессив	0,21	0,19	0,02	<i>-тта/-ття</i>

В ходе анализа падежной системы языка перевода был выявлен целый ряд явлений, не нашедших продолжения в современных тверских карельских говорах:

³ Маркешта святой Ївангели [электронный ресурс].

URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3619/9/perspective/3619/12/edit>
 Конкорданс Маркешта святой Ївангели [электронный ресурс].

URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3596/6/perspective/3596/7/edit>

— особенности образования форм партитива и генитива множественного числа;

— параллельное использование геминированных и негеминированных вариантов показателей инессива, адессива и абессива;

— использование особого форманта иллатива;

— продуктивность инструктива.

Кроме того, были определены инновационные падежные формы (комитатив и аппроксиматив), сформировавшиеся в исследуемом диалекте в недавнем прошлом.

Литература

- А. А. Беляков. Грамматика карельского языка. Рукопись. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 43. Д. 110. Петрозаводск, 1948.
- Г. Н. Макаров. Рукопись переводного памятника карельского языка начала прошлого века (Евангелие от Марка) // *Прибалтийско-финское языкознание*. № 5, 1971. С. 96–122.
- И. П. Новак. *Грамматика тверского карельского языка*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020.
- А. В. Пунжина. *Именные категории в калининских говорах карельского языка*. Дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 1975.

Выражение аблативных значений в нанийских языках¹

С. А. Оскольская, Н. М. Стойнова
(ИЛИ РАН; ИЯз РАН — ИРЯ РАН)

В тунгусо-маньчжурских языках наблюдается большая вариативность в способах выражения аблативных значений (т. е. связанных с указанием на исходный пункт движения). Иногда в одном языке в аблативной функции конкурируют

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 17-18-01649.

между собой несколько показателей. Аблативная функция может совмещаться с инструментальной и некоторыми другими.

В докладе мы рассмотрим выражение аблативных значений в группе близкородственных тунгусо-маньчжурских идиомов — нанийских, распространенных в основном вдоль р. Амур: амурских диалектах нанайского языка (найхинском, горинском, джуенском), ульчском, уильта (орокском), а также в кур-урмийском и бикинском нанайском. При том что в целом падежные системы этих языков очень похожи, именно в этом их фрагменте наблюдаются довольно заметные различия.

В рассматриваемых идиомах встречаются следующие показатели, способные выражать аблативные значения (в качестве основной функции или наряду с другими):

1) *-ži* — основной показатель в ульчском, бикинском нанайском [Сем 1976: 43], второстепенный показатель в найхинском нанайском [Аврорин 1959: 180], джуенском нанайском и горинском нанайском;

2) *-že(a)ži* и *-žea* — основной показатель в найхинском нанайском, джуенском нанайском, второстепенный в ульчском, горинском нанайском;

3) *-do / -doki* — основной аблативный показатель *-duu* в уильта [Кегамі 1956: 78], *-doki* в горинском нанайском;

4) *-(do-)li* — второстепенный показатель в кур-урмийском [Суник 1958: 75];

5) *-(do-)la* — второстепенный показатель в кур-урмийском [Суник 1958: 75], горинском нанайском;

6) послелог *əd'gəži* — основной аблативный показатель в кур-урмийском [Суник 1958: 75].

В докладе мы подробнее обсудим случаи конкуренции между несколькими показателями в аблативном контексте. Ср., например, пару предложений (1a) и (1b) из найхинского нанайского: в (1a) исходный пункт выражен суффиксом *-že(a)ži* (который характерен и для других нанайских диалектов), а в (1b) — суффиксом *-žea* (который засвидетельствован преимущественно в этом варианте нанайского).

(1) нанайский: найхинский

a. *niǎčən-səl-č'i ənə-xən kətələ mō-žeaži*
птица-PL-DIR идти-PST почти дерево-ABL
tui-xən

падать-PST

‘Пошел к птицам и чуть **с дерева** не упал’. (текст, Найхин, 2009)

b. *tuj icə-žə-mi icə-žə-mi*
так видеть-RES-CVB.SIM.SG видеть-RES-CVB.SIM.SG
təj cacaka-žea=tani əm siluktə-kən

тот цветок-ABL=a один муравей-DIM

agbiŋ-ki-ni

появляться-PST-3SG

‘Он смотрит, смотрит, а **из этого цветка** появился маленький муравей...’. (текст, Найхин, 2009)

Будут рассмотрены факторы, влияющие на выбор показателя: грамматические, прагматические и семантические.

Отдельно будут обсуждаться модели полисемии аблатива. Для рассмотренных языков характерна, в частности, полисемия аблатива и инструменталиса, ср. примеры (2a) и (2b) из ульчского языка: в (2a) суффикс *-ži* выражает исходный пункт, а в (2b) инструмент.

(2) ульчский

a. *Aur-ži Mai-ti pulmə ti puli-kt-i*
Аори-INS Май-DIR пешком так идти-DISTR-PRS
bi-č'i-p

быть-PST-1PL

‘Мы пешком **из Аори** на Май ходили’. (текст, Булава, 2019)

b. *Tara kitan-ži xəm kita-la-xam*
потом игла-INS все игла-VBLZ-PST.1SG

‘Потом я все **иглой** проткнула’. (текст, Булава, 2017)

Исследование будет опираться на данные разного типа. В наибольшей степени мы будем использовать данные текстов

(наши собственные полевые записи, архивные, опубликованные), в т. ч. количественные данные. Для ряда языков, которые будут рассмотрены менее подробно (уильта, кур-урмийский), будет использован в основном материал существующих описаний. Для отдельных идиомов (горинский нанайский, найхинский нанайский) мы обсудим также результаты элицитации.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; CVB — деепричастие; DIM — диминутив; DIR — директив; DISTR — дистрибутив; INS — инструменталис; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RES — результатив; SG — единственное число; SIM — одновременность; VBLZ — вербализатор.

Литература

- В. А. Аврорин. *Грамматика нанайского языка*. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Л. И. Сем. *Очерки диалектов нанайского языка. Бикинский (уссурийский) диалект*. Л.: Наука, 1976.
- О. П. Суник. *Кур-урмийский диалект. Материалы и исследования по нанайскому языку*. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, ЛО, 1958.
- J. Ikegami. The Substantive Inflection of Orok // *Gengo Kenkyu* [Journal of the Linguistic Society of Japan]. No. 30, 1956. P. 77–96.

Типология «точечных» контактных локализаций в уральских и алтайских языках (на материале корпуса переводов Нового Завета)

Д. А. Парамонова
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

Среди относительно мало изученных семантических ролей можно выделить группу, связанную с семантикой

физического контакта (разной степени интенсивности — в диапазоне от прикосновений до ударов). При всей когнитивной важности этой группы значений детальных типологических исследований моделей их выражения в языках мира, насколько нам известно, не предпринималось. В типологической литературе понятие «контактных локализаций» используется преимущественно в очень общем виде, покрывая достаточно разнородные явления (см., например, [Ганенков 2005]).

Цель настоящего исследования — установить набор универсальных ролевых значений в этой области (далее мы будем называть их «точечными» контактными локализациями) и наиболее типичные модели кластеризации таких значений, т. е. совмещения их с другими падежными ролями.

В качестве материала (и одновременно инструмента) исследования, в соответствии с уже достаточно хорошо зарекомендовавшей себя практикой ([Haspelmath 1997; Dahl, Wälchli 2016] и мн. др.), был использован параллельный корпус переводов Нового Завета. Были размечены контексты пяти уральских (финский, венгерский, мордовский, марийский, карельский) и пяти алтайских (турецкий, калмыцкий, якутский, чувашский, балкарский) языков.

Предварительные результаты исследования.

Учитывая особенности грамматической семантики «точечных» контактных локализаций, были отобраны контексты, имеющие следующую структуру: «контактный» предикат + объектная ИГ с ролью пациенса (в том числе включающая предлог / послелог). Примеры таких конструкций, найденные в корпусе: *взять за руку, прикоснуться к одежде, помазать глаза* и др. При разметке каждого контекста, помимо характеристики типа контакта, учитывался предлог / послелог (его отсутствие также фиксировалось), падеж и собственно глагол. Что касается типов контакта, то для описания соответствующих контекстов нами был разработан так называемый контактный континуум (градуальная классификация, основанная на степени интенсивности контакта и силе его воздействия на объект).

Как представляется, по признаку интенсивности контакта (семантически наиболее важному) целесообразно различать три основных класса контекстов:

1. Слабый контакт (Loose contact) — конструкции с глаголами прикосновений, которые не влекут за собой какие-либо физические изменения объекта или его перемещение в пространстве: *касаться одежды, целовать ноги*;

2. Плотный контакт (Tight contact) — конструкции, описывающие более интенсивное воздействие на объект, потенциально способное привести к изменению его положения в пространстве: *взять за руку, ухватиться за ноги*;

3. Деформирующий контакт (Deforming contact) — конструкции с «деструктивной» семантикой, в которых описывается существенное воздействие на объект, изменение его состояния, часто причинение физического вреда: *ударить по голове, кусать <свои> языки*.

Например, для «точечных» контактов в финском языке удалось установить следующие модели (в скобках приводится число примеров, найденных в корпусе; знак пустого множества означает отсутствие предлога):

Loose.Part = 14 (∅) = *koskettaa* ‘касаться’ (12), *heittäytyä* ‘кинуться’ (1), *suudella* ‘целовать’ (1)

Loose.III = 3 (∅) = *koskea* ‘трогать’, *laittaa* ‘класть’, *sivellä* ‘мазать’

Loose.Dir¹ = 1 (∅) = *voidella* ‘смазывать’

Tight.El = 7 (∅) = *ottaa* ‘взять’ (4), *tarttua* ‘хватать’ (3)

Tight.III = 1 (∅) = *tarttua* ‘хватать’

¹ Имеется в виду стандартное выражение прямого дополнения, которое в финском, как известно, требует употребления либо генетива, либо номинатива (в зависимости от различных факторов).

Deform.III = 4 (Ø) = *lyödä* ‘бить’

Deform.All = 2 (Ø) = *lyödä* ‘бить’

Deform.Part = 1 (Ø) = *pureskella* ‘жевать’

Можно сделать вывод, что для финского языка наиболее характерным способом оформления объекта слабого контакта является партитив, что типично для многих языков (ср. [Luraghi, Nuomo 2014]), объекта плотного контакта — элатив, а объекта деформирующего контакта — иллатив. Таким образом были размечены контексты на каждом из приведенных языков, после чего был произведен сравнительный анализ. При этом полный учет корпусного материала показывает неоднородность средств выражения контактного значения даже внутри выделенных классов и наличие ряда конкурирующих (хотя и менее частотных) стратегий.

Литература

- Д. С. Ганенков. «Контактные» локализации в нахско-дагестанских языках // *Вопросы языкознания*. № 5, 2005. С. 100–116.
- Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space // *Letras de Hoje*. Vol. 51, No. 3, 2016. P. 325–348.
- M. Haspelmath. *From space to time: Temporal adverbials in the world's languages*. Munich: Lincom Europa, 1997.
- S. Luraghi, T. Nuomo (eds.). *Partitive Cases and Related Categories*. Berlin: De Gruyter, 2014.
- Официальный сайт Института перевода Библии [электронный ресурс]. URL: <https://ibt.org.ru/ru/>

О происхождении нового аллатива в ульчском языке

А. М. Певнов
(ИЛИ РАН)

В ульчском языке есть два направительных падежа, показателем одного служит суффикс *-ти*, показателем другого — суффикс *-бән(и) / -бән(и)* [Аврорин 1959: 230].

Второй суффикс происходит от послелого, который в ульчском языке «уже завершил цикл развития от знаменательного слова к аффиксу» [Аврорин 1959: 230]. В нанайском языке соответствующий послелог имеет основу *б̄āро-*, к которой присоединяются лично- или возвратно-притяжательные суффиксы, например: *хот̄о б̄āро-н'и* 'в город'.

О. П. Суник полагал, что в ульчском языке есть послелог *б̄ā-* / *б̄э-* 'в сторону', 'в направлении', однако в приведенных им примерах это явно не послелог, а суффикс, имеющий два сингармонических варианта: *хотом-б̄āни* 'в город', 'к городу', *дуэнтэ-б̄эни* 'в лес', 'к лесу', *мин-б̄эн* 'ко мне' [Суник 1985: 51, 66].

Особенностью формы с показателем *-б̄āн(и)* / *-б̄эн(и)* является то, что в отличие от других ульчских падежных форм она не может присоединять лично- и возвратно-притяжательные аффиксы, например: *мун гасам-бан* (мы.INCL.ATTR деревня-ALL) 'в нашу деревню, к нашей деревне'.

Трудно сказать, существуют ли какие-либо различия в употреблении ульчского аллатива с показателем *-ти* и аллатива с показателем *-б̄āн(и)* / *-б̄эн(и)*.

Ульчский показатель аллатива *-б̄āн(и)* / *-б̄эн(и)* восходит к послелогу с основой **б̄āру-*, оформленной посессивным аффиксом 3 л. ед. ч. (**б̄āру-ни*). Интересно, что в суффиксе *-б̄āн(и)* / *-б̄эн(и)* сегмент *-н(и)* уже не выражает 3 л. ед. ч., однако язык как бы помнит, что такое значение было и по инерции «запрещает» присоединение посессивных показателей (как, например, в уже приведенном выше словосочетании *мун гасам-бан*).

Послелог с соответствующей основой имеются также в нанайском, орокском и орочком языках. В ульчском языке в процессе преобразования послелого **б̄āру-ни* в падежный показатель *-б̄āн(и)* / *-б̄эн(и)* произошло выпадение слога в инлауте. В орочком языке соответствующий послелог оформлен показателем направительного падежа *-ти*: *баити-* < **б̄āру-ти-*.

В. А. Аврорин предположил, что нанайский послелог с основой *б̄аро-* восходит к «знаменательному слову, скорее всего существительному»: «Возможно, что его следует поставить в связь с широко распространенным в тунгусо-маньчжурских языках корнем [бар] // [бај] // [баз] // [бад] // [ба], обнаруживаемым в словах, выражающих идею противоположности, противостояния» [Аврорин 1961: 230].

В [ССТМЯ 1975: 76] соответствующие послелоги некоторых тунгусо-маньчжурских языков сравниваются, в частности, с монгольским письменным *baraγun* '1. 1) правый; 2) западный; 2. запад'.

И ульчский падежный показатель *-б̄ан(и) / -б̄эн(и)*, и послелоги с аллативным значением в нанайском, орокском и орочском языках происходят от маньчжурского послелога *бару* 'по направлению к ...' (*бира-и бару* (река-GEN ALL) 'к реке'). Предполагаю, что в маньчжурском языке этот послелог был образован от слова *ба* 'место' (< **bā* < **буа* < **буа* 'место, местность; мир, вселенная; небо, погода') путем присоединения к нему монгольского по происхождению аллативного показателя *-ру* (< **-рү*, ср. халха-монг. *руу*).

Список условных сокращений

ALL — аллатив; ATTR — атрибутивное значение; GEN — генитив; INCL — инклюзив.

Литература

- В. А. Аврорин. *Грамматика нанайского языка*. Т. 1. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
- В. А. Аврорин. *Грамматика нанайского языка*. Т. 2. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- ССТМЯ — *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- О. П. Суник. *Ульчский язык. Исследования и материалы*. Л.: Наука, 1985.

Падежные формы в функции наречий времени в водском и ижорском языках

Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус
(ИЛИ РАН — *Univeristy of Tartu*;
ИЯз РАН — *Univeristy of Tartu*)

Исследование посвящено падежным формам существительных, функционирующим как наречия со значением времени, в трех идиомах Западной Ингерманландии: (1) нижнелужском диалекте ижорского языка, (2) сойкинском диалекте ижорского языка, и (3) западном диалекте водского языка (так называемом диалекте вайпооли). Объектом исследования становятся падежные формы восьми слов: четырех времен года и четырех частей суток. При этом исследуются не все возможные формы этих существительных, а только те, которые могут использоваться для обозначения временного интервала в самом общем смысле, т. е. фактически мы рассматриваем переводные эквиваленты русских форм *зимой, весной, летом, осенью, ночью, утром, днем* и *вечером*. Несмотря на генетическую и территориальную близость данных идиомов и небольшое количество исследуемых слов, эти лексемы демонстрируют большое разнообразие в выборе падежного оформления как внутри каждого идиома, так и между ними, ср. (1)–(4).

- (1) Водский
parajkoz ohtogo-ssâ on valka niku
сейчас **вечер-ELA** быть.PRS.3SG белый как
päjve-llâ
день-ADE
'Сейчас вечером светло как днем'.

- (2) Водский
talve-n kassin on tšülmâ
вечер-ESS здесь быть.PRS.3SG холодный
'Зимой здесь холодно'.

- (3) Нижнелужский ижорский
tä-llä talve miä e-n läsi-nnüd
 этот-ADE зима.PART 1SG NEG-1SG болеть-PTCP
 ‘Этой зимой я не болела’.
- (4) Сойкинский ижорский
hõõmukšee-št hää män-i poiž
 утро-ELA 3SG идти-PST.3SG прочь
šõõmee-št
 Финляндия-ELA
 ‘Утром он уехал из Финляндии’.

Исследование ставит перед собой как описательную цель (в существующих публикациях данному вопросу не уделялось достаточного внимания; даже для более крупных родственных языков такие исследования редки, см., например, [Velsker 2013, 2018]), так и пытается выявить причины наблюдаемого разнообразия в падежном оформлении.

В качестве материала используются, прежде всего, собственные полевые записи исследователей: корпус элициаций (~ 260 часов водских, ~ 700 часов сойкинских ижорских и ~ 250 нижнелужских ижорских записей) и корпус образцов спонтанной речи (1,5 часа для водского и 3,5 часа для сойкинского ижорского).

Исследование выявило, что наиболее распространенными падежами при оформлении рассматриваемых форм без уточняющих слов (т. е. претендующих на большую степень грамматикализации) являются адессив, эссив и элатив (см. *Таблицу 1*), в то время как у форм с уточняющими словами (*этим летом, прошлой ночью* и т. п.) часто наблюдается и партитивное оформление.

Таблица 1. Наиболее частые варианты падежного оформления форм с высокой вероятностью грамматикализации

	Нижнелужский ижорский	Сойкинский ижорский	Водский
<i>зимой</i>	ESS (~ ADE)	ADE	ESS (~ ADE)
<i>весной</i>	ADE (~ ESS)	ELA (~ ADE)	ADE ~ ELA
<i>летом</i>	ADE ~ ESS	ADE	ADE (~ ESS)
<i>осенью</i>	ADE ~ ESS	ELA (~ ADE ~ ESS)	ADE ~ ELA ~ ESS
<i>ночью</i>	ADE	ADE	ADE
<i>утром</i>	ADE (~ELA)	ELA (~ ADE)	ELA (~ ADE)
<i>днем</i>	ADE	ADE	ADE (~ ESS)
<i>вечером</i>	ADE (~ELA)	ELA	ELA (~ ESS ~ ADE)

Авторы приходят к выводу, что основными факторами, определяющими падежное оформление форм, являются:

- (а) собственно лексема, а для сойкинского ижорского ее принадлежность к группе основных (*зима, лето, ночь, день*) или переходных (*весна, осень, утро, вечер*) временных периодов;
- (б) степень грамматикализации;
- (в) идиом.

Наблюдаемое варьирование во многом обусловлено конвергентными процессами, в ходе которых падежное оформление заимствовалось из одного идиома в другой.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ADE — адессив; ELA — элатив; ESS — эссив; NEG — отрицательный глагол; PART — партитив; PTCP — причастие; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- E. Velsker. Ööpäev ja aastaaeg eesti murretes // *Emakeele Seltsi aastaraamat*. No. 63, 2018 (2017). P. 260–291.
- E. Velsker. Aeg eesti murretes // *Emakeele Seltsi aastaraamat*. No. 58, 2013 (2012). P. 265–295.

Генитив за пределами именной группы: данные удмуртского языка¹

Н. В. Сердобольская
(ИЯз РАН — ГИРЯ им. А. С. Пушкина)

Традиционно генитивом называют падеж, маркирующий т. н. посессивные отношения (в терминах [Aikhenvald, Dixon 2013]), или генитивные отношения ([Кибрик, Брыкина, Хитров 2004]), включая обладание, часть-целое, отношение родства и под. Во многих языках соответствующие показатели используются гораздо шире, для маркирования зависимого в именной группе, при этом семантическая связь между вершиной и зависимым не всегда устанавливается однозначным образом.

В уральских языках такие показатели активно используются вне именной группы, например, для маркирования прямого дополнения (прибалтийско-финские языки) и локативных значений. В частности, в пермских языках посессивные отношения могут маркироваться двумя показателями, выбор между которыми определяется позицией вершины именной группы: прямое дополнение требует генитива 2, или аблатива, см. пример (1), а остальные синтаксические отношения — генитива 1 (2). Оба эти показателя восходят к маркерам локатива (генитив 1) и элатива (генитив 2) и L-овому деривационному суффиксу, или коаффиксу [Alvre 1986; Некрасова 2002] с пространственным значением.

Относительно удмуртского языка, [Грамматика... 1962] фиксирует для генитива 1 значение принадлежности и смежных с ним значений, в работах также обсуждаются значения

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №20-512-14003 «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе» и проекта «Параметрическое описание языков РФ», реализуемого в ГИРЯ имени А. С. Пушкина.

агентивности, субъекта действия [Некрасова 2002]. Для генитива 2 выделяется, кроме значения принадлежности, аблативное значение, значение материала, причины, сравнения [Грамматика... 1962].

В докладе ставится задача выявить, какие функции рассматриваемые показатели могут иметь за пределами именной группы в бесермянском диалекте (наречии) удмуртского языка, и установить количественное распределение данных функций по корпусу. Мы выделяем следующие виды конструкций с генитивом 1:

1. Аргумент глаголов и реляционных имен.
2. Особые конструкции:
 - a. аспектуальные конструкции
 - b. личный локатив
 - c. именная тавтологическая конструкция
 - d. конструкции с «легкими глаголами» со значением желания, экспериментива, успешности действия и др.

Функции генитива 2:

1. Аргумент глагола, прилагательного, послелога (значение стимула эмоции, нежелательного участника, основания для сравнения).
2. Неаргументные функции [Усачева 2011]:
 - a. аблатив, источник и смежные функции
 - b. материал
 - c. причина
3. Сравнительная конструкция: показатель основания для сравнения [Холодилова 2015].

Оба показателя также используются для маркирования субъекта номинализации.

В докладе будет установлено количественное распределение конструкций с обоими генитивами.

Примеры:

- (1) *až'-i-z* ***val-lâš'*** *ku-ze*
видеть-PST-3(SG) лошадь-GEN2 кожа-ACC.P.3(SG)
'(Лиса) посмотрела на лошадиную шкуру'.
- (2) *gondâr kijon-en* *târ-i-z-â* ***val-len***
медведь волк-INS наполнять-PST-3-PL лошадь-GEN1
ku-a-z *ž'al'gâri-os-tâ*.
кожа-P.LOC/ILL-P.3(SG) воробей-PL-ACC.PL
'Медведь с волком набили шкуру лошади воробьями'
(букв. 'положили воробьев в шкуру').

Литература

- Грамматика современного удмуртского языка*. Ижевск: Удм. книжное изд-во, 1962.
- А. Е. Кибрик, М. М. Брыкина, А. Н. Хитров. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором // *Труды международного семинара «Диалог'2004» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. М., 2004.
- Г. А. Некрасова. *Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика*. Сыктывкар: УрО РАН, 2002.
- М. Н. Усачева. *Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках*. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. *Possession and ownership: A crosslinguistic typology*. Oxford: OUP, 2013.
- P. Alvre. Zu den Finnisch-Ugrischen L-Kasus // *Советское финно-уроведение*. Вып. XXII, № 2, 1986. С. 81–87.

Выбор аккузативной или немаркированной формы в объектной позиции в лесном ненецком

А. Ю. Урманчиева
(ИЛИ РАН)

Доклад посвящен проблеме необязательного аккузативного маркирования имени в объектной позиции в лесном ненецком. Исследование проводилось на материале текстов [Логан, Логан 2016], представляющих юго-западные (аганский и нумтовский) говоры лесного ненецкого.

В лесном ненецком, в отличие от других северно-самодийских языков (тундрового ненецкого, нганасанского, лесного и тундрового энецкого) использование аккузативных форм не является обязательным: в позиции прямого объекта может использоваться как форма аккузатива (1), так и форма, немаркированная по падежу (2); применительно к лесному ненецкому в данном случае некорректно говорить о немаркированной форме имени, так как существительное может содержать другие грамматические показатели, а именно, числовые и посессивные:

- (1) *Та'ки* **нея-хама-м-та** *маньле"*
тот тетка-EMPH-ACC-3 уже
пичи-уа-та-и
выгнать-AOR-O3-PRAET
'Тетку свою он к тому времени уже выгнал'.
- (2) *Нон* **кола-Ø_{Acc}** *мэ"-уа-Ø* *чики*
один хор использовать-AOR-S3 этот
уайтаје-та
ездить.на.нарте-PTPRAES
'Одного хора использует (= 'запрягает') этот ездок'.

При этом во всех северносамодийских языках есть система двух глагольных спряжений, использование которых при переходных глаголах непосредственно связано с феноменом дифференцированного маркирования объекта: формы так

называемого объектного спряжения используются в том случае, если объект при глаголе является топиальным (в терминах [Nikolaeva 2014] — вторичный топик, или secondary topic). Система двух глагольных спряжений представлена и в лесном ненецком. Ее употребление можно проиллюстрировать уже приведенными примерами: в (1) аккузативная форма имени сочетается с формой объектного спряжения глагола, в (2) немаркированная форма имени сочетается с формой субъектного спряжения глагола. Однако употребление / неупотребление аккузативных форм не дублирует употребление субъектного и объектного спряжений, ср. пример (3), где аккузатив сочетается с формой субъектного спряжения, и (4), где немаркированная по падежу форма имени в объектной позиции сочетается с формой объектного спряжения глагола:

- (3) *кола'ка-хан-та* *уамы* ***веша-м***
 грудь-LAT-3 что железо-ACC
ше'лта-на-Ø-в, ***лы-м***
 сделать-AOR-S3-EMPH кость-ACC
ше'лта-на-Ø-в
 сделать-AOR-S3-EMPH
 [– Ой, вон того не убить, по-моему, — поняли, —]
 ‘на грудь то ли железо прицепил, то ли кость прицепил’.
- (4) *Пы'та* *таняна,* ***ваав-чи"*** *уоп* ***ваав-Ø_{acc}***
 он(а) потом постель-NOM.3DU один постель
уайши" *ни-мы-та* *мы-"*
 там NEG-INFER-O3 сделать-CONN
 ‘Потом она, что касается постели для них двоих, одну постель не постелила’.

Употребление аккузатива не связано с противопоставлением топика и фокуса: в (1) аккузативом оформлен топиальный объект, в (3) и (5) объект относится к фокусной части высказывания:

- (5) **Намы-м** *нэ́та-Ø!* *Ку-самэй* **ко́ла-м**
 что-ACC ждать.AOR-S3 каждый хор-ACC
шату'тан-на-н?
 разглядывать-AOR-S3
 'Что ты ждешь? Каждого хора будешь разглядывать?'

Употребление / неупотребление аккузатива также не связано с определенностью / неопределенностью объекта: ср. употребление в (6) и (7) личных имен, при этом оформленных посессивными показателями (оба этих фактора однозначно свидетельствуют об определенности именной группы): в (6) имя собственное оформлено показателем аккузатива, в (7) употребляется неоформленное по падежу имя:

- (6) *Чикехена* *мэ"-ма-хан-то"* **Ески Мэ́мя'та-м-та"**
 там быть-NMLZ-LOC-3PL PN-ACC-3PL
ти́ли'пче-на-ту
 оживить-AOR-O3PL
 'Когда они были там, своего Ески Мэ́мята оживили'.

- (7) *Тай"на"* **Ку́ти'ши Еске-Ø_{ACC}-ла"** *ха'та́ла-ха́ла"*
 потом PN-2PL силач-EMPH
найши" тонла́пе-т́на-та"
 там считать-FUT-S2PL
 'Впредь своего Ку́тиши Ески вы будете считать силачом'.

В докладе будет обсуждаться, какие именно факторы влияют на выбор формы имени в объектной позиции.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; CONN — коннегатив; EMPH — показатель с эмфатическим значением; FUT — будущее время; INFER — инферентив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицательный глагол; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; O — объектное спряжение; PL — множественное число; PN — имя собственное; PRAET — прошедшее время; PTPRAES — причастие настоящего времени; S — субъектное спряжение.

Литература

- А. Логан, Т. Логан. *Сказки Татвы: сборник фольклорных произведений на лесном диалекте ненецкого языка*. Вып. 1. Ханты-Мансийск: ОУИПИИР, 2016.
- I. Nikolaeva. *A Grammar of Tundra Nenets* (Mouton Grammar Library, 65). Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.

Deconstructing inverse case attraction

R. Abramovitz

(Massachusetts Institute of Technology)

Introduction. Inverse case attraction (ICA) is a phenomenon where the head of a relative clause (RC) bears the case assigned to the gap inside the relative clause (internal case), rather than the case assigned to it in the matrix clause (external case). In this paper, I argue on the basis of novel fieldwork data from Koryak that *the RC heads that bear internal case surface in a left-peripheral position inside the RC*, unlike heads that bear external case, which are outside of the RC. I also show that this analysis is supported by (or compatible with) the data from all other languages with ICA. Finally, I propose a connection to a type of relative clause found in the (caseless) Gur languages of West Africa. ICA, I argue, falls out without any analytical machinery specific to the phenomenon when a language has both overt case-marking and Gur-like relative clauses.

Koryak Data. Koryak RCs have a relative pronoun (RP) obligatorily bearing the case assigned to the gap inside the RC. As shown in (1–4), however, both external case (ABS and DAT, respectively) and internal case (ERG and ABS, respectively) are possible on the RC head, regardless of which case is assigned inside or outside the RC. These two options are not always in free variation: for the head to bear internal case, the noun phrase containing the RC must be left peripheral in its clause, and the relative clause cannot be extraposed. Additionally, if RC-internal material scrambles across

the head (3), only the internal case (ERG) can surface on it. These are not correlatives [Bianchi 1999]: noun phrases with ICA can be modified by quantifiers (4), admit non-restrictive modification, and permit stacking of relative clauses, none of which are found in correlatives.

- (1) [ηααάή-{αη/α} *mikānek* *nakāt?ajhaye*]
 woman-{ABS/ERG} who.ERG scold.2SG.O
kujunetəj *wotehnak*
 live.PRS this.house.LOC
 ‘The woman who scolded you lives in this house’.
- (2) [?eγəlη-{η/η} *mejin* *kojəp?ajhəj*]
 wolf-{DAT/ABS} who.ABS.SG howl.PRS
qəjəm *məčejmevək*
 NEG.IRR approach.SG.S
 ‘I will not approach the wolf that is howling’.
- (3) [ajyəve ηααάή-{α/*αη} *miknek* *enakāt?ajhəj*]
 yester. woman-{ERG/*ABS} who.ERG scold.1O.AOR
təjelə?ujən *mitiw*
 see.1SG.FUT tom.
 ‘Tomorrow I will see [the woman that scolded me
 yesterday]’.
- (4) [γamγa-?oλaj-{kəη/k} *mikəjək* *nakāt?ajhəyəm*]
 every-man-{DAT/ERG} who.ERG.PL scold.1O,AOR
təjəlnew *kampetaw*
 give.1SG.S candy.PL
 ‘I gave candy to every man that scolded me’.

Analysis. The crux of my proposal is that RCs whose heads have internal case are surface-internally-headed, though their internal head is pronounced in the left periphery of the RC. When the head bears external case, however, it is located outside of the relative clause. In both cases, the nominal head D° is present above the relative CP, in line with the evidence that ICA does not

involve a correlative construction, which has no nominal layer above the relative CP. This is schematized for the RC in (5) in (5) for ICA and (6) for external case.

- (5) $[_{DP} D^\circ [_{CP} {}_3 C^\circ [_{CP} {}_2 \text{woman.ERG}_1 C^\circ [_{CP} {}_1 [t_1 \text{who-ERG}]_2 C^\circ [_{vP} t_2 v^\circ [\text{scold } pro_{2sg}]]]]]]]$
- (6) $[_{DP} D^\circ [\text{woman} [_{CP} C^\circ [_{CP} \text{woman.ERG}_1 C^\circ [_{CP} [t_1 \text{who-ERG}]_2 C^\circ [_{vP} t_2 v^\circ [\text{scold } pro_{2sg}]]]]]]]$

References

- V. Bianchi. *Consequences of antisymmetry: Headed relative clauses*. Mouton de Gruyter, 1999.

The synthetic and analytic local cases in Moksha

M. Bernhardt

(*University of Turku*)

In the presentation, I examine the Moksha local cases and compare the synthetic and the analytic cases with each other. I survey the use of the synthetic and the analytic local cases, consider, when definiteness is expressed and what is the role of other grammatical categories on the use of the analytic cases.

Moksha has 13 cases and three declension types: the basic (unmarked for definiteness), the definite (marking definiteness) and the possessive declension [Anan'ina 2000]. Only the grammatical cases have counterparts in the definite declension. In the local cases, shown in *Table 1*, an analytic construction formed with the *e-/ez-* postposition can be used to complement the paradigm. The postposition carries the case suffix but does not have a meaning of its own. The complement of the postposition is usually in the definite declension genitive, except for proper names and pronouns, which are in the basic declension genitive. The illative and the lative can be replaced with the dative in the definite declension, thus

the analytic construction is used rarely in the ‘to’-cases [Alhoniemi 1982; Manner 2020].

Table 1. *vel’ä* ‘village’ in the local cases

Cases	Basic declension	Definite declension		Analytical constructions
		Sg.	Pl.	
Abl.	<i>vel’ä-da</i>	–	–	(DEF.)GEN + <i>ez-da</i>
Ine.	<i>vel’ä-sa</i>	–	–	(DEF.)GEN + <i>e-sa</i>
Ela.	<i>vel’ä-sta</i>	–	–	= Abl.
III.	<i>vel’ä-s</i>	<i>vel’ä-t’i</i> (= Dat.)	<i>vel’ä-t’-ñä-ñd’i</i> (=Dat.)	[(DEF.)GEN + <i>es</i>]
Lat.	<i>vel’-i</i>	<i>vel’ä-t’i</i> (=Dat.)	<i>vel’ä-t’-ñä-ñd’i</i> (=Dat.)	–
Prol.	<i>vel’ä-va</i>	–		(DEF.)GEN + <i>ez-ga</i>

According to previous research, the analytic local are most frequently used with nouns that occur relatively rarely in local cases (e.g. nouns with animate reference or personal pronouns) and they have an abstract meaning in these contexts (e.g. expressing the direct object) [Alhoniemi 1982; Manner 2020]. Apart from this, the analytical constructions are frequently used with plural nouns, as plurality can be expressed only in the definite declension in oblique cases [Alhoniemi 1982].

The material is collected from the MokshEr-corpus provided by the research unit of Volgaic languages at the University of Turku. The corpus includes the whole texts; therefore, it suits well to follow the referents of nouns and examine how they are marked in the local cases. The presentation focuses on how the definite referent type is expressed in the local cases, since in these cases the basic declension can be used instead of the definite one, even in those contexts, where definiteness marking would be required (e.g. with demonstratives) [Kashkin 2018], e.g. *tä ul’ca-va* (this street-PROL) ‘along this street’. I further consider the role of number marking and the reference of the noun (animate/inanimate, proper noun, pronoun) to determine the role of the analytic cases in the Moksha declension

paradigm. The aim of this research is to contribute to the Moksha grammatical tradition, consider the means of expressing definiteness and discuss grammatical categories between cases and postpositions.

References

- A. Alhoniemi. *ez*-vartaloisten postpositioiden asemasta mordvan syntaktisessä järjestelmässä // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Т. 181. 1982. S. 31–43.
- Anan'ina — К. И. Ананьина. Существительнайсь // Н. С. Алямкин (ред.). *Мокиень кяль. Морфология*. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 47–83.
- Kashkin — Е. В. Кашкин. Определенное склонение // С. Ю. Толдова и др. (ред.). *Элементы мокианского языка в типологическом освещении*. Москва: Буки Веди, 2018. С. 122–153.
- N. Manner. *Mordvan analyttiset paikallissijat*. Master's thesis. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2020.

On the exclusively borderline case-marking in Ainu

A. Bugaeva

(Tokyo University of Science — NINJAL)

Ainu has exclusively borderline case-marking, which means that nominative, accusative, and genitive cases are absent and that there is overt marking only for concrete or “peripheral” case relations and delimiting case markers from other morphological-functional entities is difficult [Iggesen 2013: WALS §49].

In fact, it is quite difficult to come up with a closed list of cases in Ainu because they do not enter into paradigmatic relations and vary across the dialects. According to Tamura [2000 (1988): 95–102; 129–135], there are at least 12 cases in the Saru dialect of Ainu (Southern Hokkaido), which are morphologically classified into postpositional adverbs (comitative *tura(no)*, degree *pak(no)* ‘till, until’, instrumental *ani*, dative *eun*, translative *turasi* ‘along’,

pes ‘follow going down’, *kari* ‘through’) and postpositional particles (locative *ta*, locative/allative *un*, ablative *wa*, traversal *peka* ‘over’, mutative *ne* ‘as’). Strictly speaking, only the latter should be regarded as cases because some of the former can stand alone and take verbal pronominal affixes of the subject/object. This is possible because postpositional adverbs originate in verbs (or adverbs) and are still in an early stage of grammaticalization from them, see (1b), cf. (1a).

(1)

- a. *a-kor* *ekasi* *inaw* ***ani*** *sake* ***ani***
 4¹.A-have grandfather inaw INST rice.wine INST
a-nomi.
 4.A-pray
 ‘I worshipped my grandfather with *inaw*-willow prayer sticks and wine’. [K7807151UP.265]
- b. *hat* *poro-n-no* *oka* *wa* ***ani***
 wild.grape big-EP-ADV exist.PL and INST
a-e-resu.
 4.A-2SG.O-raise
 ‘I took many grapes, and raised you on them’ (lit. ‘holding’).
 [K7803233UP.142]

- (2) *e-tura* *an-an*
 2SG.O-COM exist.SG-4.S
 ‘I lived together with you’ (lit. ‘following’). [K7807153KY.128]

In (1b), *hat* ‘wild grape’ before *ani* ‘with’ (< *ani* ‘hold sth’) is anaphorically omitted as if *ani* were still a verb and *hat* its direct object (lit. ‘holding (wild grape)’). The comitative marker *tura* in (2) originates in the transitive verb ‘follow’ and is marked for the person of the object.

Postpositional particles show more case-like behavior in that they cannot be used without their respective NPs.

¹ 4th person is a common label for 1PL.INCL, 2SG/PL.HON, 1st person in oral literature or logophoric.

- (3) *a-kor mosir wa Rosia mosir un tumi*
 4.A-have land ABL Russia land ALL war
e-paye
 appl-go.PL
 ‘They went from our land to a war in Russia’. [Tamura 2000
 (1988): 132]

Yet, postpositional case particles cannot occur in adnominal phrases like **Satporo wa* (ABL) *kur* ‘a man from Sapporo’. Various semantic relations between two nouns (put aside possessive relations) can be encoded with a few existential transitive verbs which appear between two nouns and form a relative clause-like structure.

- Locative (‘at/from’) relations:
un ‘live at’ (4);
 - Propriative (‘with’) relations:
us ‘attach to’ (5),
o ‘be located inside of’ (6),
ot ‘be in abundance at’, *kor* ‘have/rule’;
 - Privative (‘without’) relations: *sak* ‘lack’;
 - Membership relations: *ne* ‘be(come) sb’.
- (4) [*__Iskar un*] *kur*
 Ishikari live.at man
 ‘a man from Ishikari’ (lit. ‘an [Ishikari-living] man’)
- (5) [*__wakka us*] *kamuy*
 water attach.to god
 ‘Water goddess’ (lit. ‘water-attached god(dess)’)
- (6) [*__sat-cep o*] *pu*
 dry-fish enter/have storehouse
 ‘a storehouse with dry fish’ (lit. ‘dry.fish-entered pot’)
 [Tamura 1996: 547]

- (7) *nea* [*__kotan kor*] *nispa*
 that village have rich.man
 ‘that village chief’ (lit. ‘that village-having/ruling rich man’)
 [K7803233UP.293]

As suggested in Bugaeva [2017], Ainu case markers have a marginal status since there is a good alternative to them, i.e., three applicative prefixes with multiple functions. It has been hypothesized that applicatives in Ainu have not always been voice markers. Originally, they may have been used just for the encoding of participants on the verb, i.e., as a polysynthetic equivalent of adpositional marking.

In this paper, I claim that the inability of Ainu case markers to form adnominal phrases is another manifestation of the exclusively borderline case-marking.

Abbreviations

1/2/3/4 — 1st/2nd/3rd/4th person; A — transitive subject; ABL — ablative; ALL — allative; ADV — adverbial; COM — comitative; HON — honorific; EP — epenthetic consonant; INCL — inclusive; INST — instrumental; O — object; PL — plural; S — intransitive subject; SG — singular.

References

- K — H. Nakagawa, A. Bugaeva, M. Kobayashi, Y. Yoshikawa. *A glossed audio corpus of Ainu folklore*. Tokyo: National Institute for Japanese Language and Linguistics HP, 2021.
 URL: <https://ainu.ninjal.ac.jp/folklore/en/>
- A. Bugaeva. Polysynthesis in Ainu // M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). *Handbook of Polysynthesis*. Oxford: OUP, 2017. P. 882–905.
- O. A. Iggesen. Number of Cases // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
 URL: <http://wals.info/chapter/49> (accessed on 15.05.2021)
- S. Tamura. Ainugo [= The Ainu language] // T. Kamei, R. Kōno, E. Chino (eds.). *Gengogaku daijiten*, 6–94. Tokyo: Sanseido.

English version: The Ainu language. *ICHEL Linguistic Studies*. V. 2. Tokyo: Sanseidō, 2000 (1998).
 S. Tamura. *Ainugo Saru hōgen jiten* [= A dictionary of the Saru dialect of Ainu]. Tokyo: Sōfūkan, 1996.

Dative subjects and possessive markers in infinitival clauses in Meadow Mari

I. Burukina

(*Hungarian Research Centre for Linguistics —
 Eötvös Loránd University*)

The paper presents and examines novel data from the Morkinsko-Sernur dialect of Meadow Mari that were collected during elicitation sessions with two bilingual (Mari/Russian) native speakers. In Mari overt dative subjects (S_{DAT}) and possessive marking (POSS) are allowed in some infinitival clauses, as shown in the *Table 1* below; for comparison, I consider infinitives embedded under modals and the object control verb *jodaš* ‘force’.

Table 1.

	controller	embedded S _{DAT}	POSS on INF
Purpose clauses	NOM	✓	✓
Dependent of an evaluative adjective	DAT	–	✓
Dependent of <i>polšaš</i> ‘help’	DAT	–	✓
Dependent of a deontic modal	DAT	–	–
Dependent of <i>jodaš</i> ‘force’	ACC	–	–

In purpose clauses (1a), POSS is present when the embedded subject is overt. If both an overt embedded subject and POSS are absent, obligatory control is established. In clauses under evaluative adjectives and *polšaš*, POSS always cross-references the matrix controller (1b).

(1)

- a. (*Tə-lat*) *kudəvečə-š pur-aš(-et), pečə-m*
you-DAT yard-ILL go-INF-POSS2S fence-ACC
süimər-enna.
break-PST1P
‘We broke the fence for you to get into the yard’.
Without *təlat* and *-et*: ‘We broke the fence to get into the yard’.
- b. *Mə-lan-na* *kudəvečə-š pur-aš(na/*et)*
we-DAT-POSS1P yard-ILL go-INF-POSS1P/2S
nele / saj.
hard good
‘For us it is difficult / good (*for you) to get into the yard’.

I adopt Landau’s [2015] predicative / logophoric distinction for control: a non-finite clause is either predicated directly of the controller (exhaustive control only) or contains an additional logophoric projection (partial control allowed).

Table 2.

exhaustive control → predicative	partial control → logophoric
evaluative adjectives, <i>polšaš</i> ‘help’, <i>jodaš</i> ‘call’	modals, purpose adjuncts

For the embedded clause to be a predicate, it must contain a variable, i.e. PRO or a bound pronoun [Williams 1980]; thus, independent S_{DAT} is only allowed in the logophoric configuration. The DP subject must also be case-licensed. It might be stipulated that DAT is assigned to embedded subjects by non-finite T/C; however, no independent support is found in Mari: embedded subject-oriented items (‘self’, ‘alone’) always bear the same case as the controller and S_{DAT} are not attested in other adjunct clauses except for purpose infinitives.

I propose that dative is exceptionally assigned from outside of the non-finite clause by a higher adposition (a P head). (1) Purpose adjuncts were originally embedded under the dative adposition,

which was later reanalyzed as a case marker; hence, the P head is now silent but DAT is available: [_{PP} [_{FinP} ... infinitive] P_∅] (cf. [Emonds 1985]). DAT can still combine with a purpose infinitive ((1a) = *kudāvečāš puraš-lan*, *pečām sūmār-enna*). (2) I will show that infinitives embedded under evaluative adjectives and ‘help’ are adjuncts (unlike the clausal arguments of *jodaš* and modals). I argue that they are akin to depictive secondary predicates dependent on the DAT controller. In Mari, depictives exhibit obligatory concord with the antecedent; hence, the DAT PP is present on top of the clause and DAT can be assigned to the embedded subject. Finally, I observe that, as indicative of postpositive constructions, all DAT pronouns contain a POSS: *mə-lan-na* (we-DAT-POSS1P), *ška-lan-et* (self-DAT-POSS2S) ‘yourself’, etc. I suggest that the POSS here is the result of agreement of the silent P with the (pronominal) head. Drawing a parallel between such forms and the infinitival clauses under discussion, I assume that in the latter case a similar Agree relation is established between P and the embedded subject (usually a (silent) pronoun), therefore a POSS appears.

References

- J. Emonds. *A unified theory of syntactic categories*. Dordrecht: Foris, 1985.
 I. Landau. *A two-tiered theory of control* (Linguistic Inquiry Monographs, 71).
 Cambridge (MA): The MIT Press, 2015.
 E. Williams. Predication // *Linguistic Inquiry*. Vol. 11, 1980. P. 203–238.

Livonian jussive object marking in the Baltic Finnic context

M. Dailidēnaitē

(*University of Latvia Livonian institute — University of Tartu*)

Livonian was a minority language for a very long period of time and some of the developments in Livonian stand out in the context of the other Baltic Finnic languages. It also includes rather

significant changes to its case system (e.g. nearly lost external locatives, fusion of the comitative and translative cases).

Baltic Finnic languages are notorious for marking aspect and partial-total objects using case forms. Object marking also depends on the verb form [EKS: 271–272; ISK]. Livonian has preserved the partial-total object opposition and its marking (e.g. 1 (total), 2 (partial)), but also shows some changes compared to Estonian and Finnish. The most comprehensive study of the Livonian object so far is Tveite’s [2004] study. He did not address the influence the verb form might have on the object marking, except negation.

- (1) *se* *umārz+pū* *um’* *kītān* *las*
 this.N.SG appletree.N.SG be.3SG say.APP let.HORT
k^oorāg *ne* *umārd* *jerā*
 gather.JUS.SG **this.N.PL** **apple.N.PL** PRF
 ‘This appletree has told to pick up **those apples**’.

- (2) *ta = m’* *no+kēratān* <...> *laz* *ta*
 3SG.N=be.3SG write.APP let. HORT 3SG.N
āndag *suolā*
 give.JUS.SG **salt.P.SG**
 ‘He wrote <...> him to give **salt**’.

In the presentation I will present data from 3 different sources: Livonian corpus under the Estonian dialectal corpus, Folktales collected by Loorits in Vaid village and folksongs also collected by Loorits [1936]. The goal of the presentation is to provide a detailed analysis of the jussive object marking in Livonian. Determining the marking is however rather challenging as Livonian nominative and genitive forms coincide quite often in singular and always in plural, e.g.:

Nominative	Genitive	Partitive	Translation
<i>pāva</i>	<i>pāva</i>	<i>pāuvõ</i>	day, sun
<i>torī</i>	<i>torī</i>	<i>torī</i>	pipe
<i>ruzū</i>	<i>ruzū</i>	<i>ruzū</i>	rubble
<i>nõgõ</i>	<i>nõgõ</i>	<i>nõgõ</i>	skin

To determine the form of nominal objects I considered pronominal and adjectival attributes. However quite many objects had ambiguous marking and did not have attributes. Semantic analysis of the nouns used as objects showed that ambiguous, genitive, and partitive marking had a similar distribution, while nominative marking was quite restricted, which lead to a conclusion, earlier also proposed by Lees [2015: 230], that the ambiguous marking could be interpreted as genitive marking.

References

- EKS — E. Mati, T. Hennoste, L. Lindström, H. Metslang, R. Pajusalu, H. Paldo, A. Veismann. *Eesti keele süntaks*. Toim. E. Mati, H. Metslang. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2017.
- ISK — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen, I. Alho. *Iso suomen kieliooppi*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004.
URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (accessed in April, 2021)
- A. Lees. *Case Alternations in Five Finnic languages* (Brill's Studies in Language, Cognition and Culture, Vol. 13). 2015.
- T. Tveite. *The case of the object in Livonian. A corpus based study*. Castrenianumin toimitteita 62. The Finno-Ugrian Department of Helsinki University; The Finno-Ugrian Society. Helsinki, 2004.
- The Livonian corpus (a part of the Estonian dialectal corpus).
URL: <http://www.murre.ut.ee/mkweb/> (accessed in August, 2019)
Examples from: E. N. Setälä. *Näytteitä liivin kielestä* // V. Kyrölä (ed.). *Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia* 106. Suomalais-Ugrilainen Seura: Helsinki, 1953.
- O. Loorits. Collection of Livonian folktales. Estonian Literature Museum (LF IV 6; ERA-13302-70814-18895).
- O. Loorits: *Volkslieder der Liven*. Õpetatud Eesti Selts: Tartu, 1936.

Case, case particles, and information structure in Yamada Yoshio

C. D'Antonio
(Sapienza University)

My contribution aims to analyse the description of the category of *kaku joshi* ‘case particles’ and its interaction with the so-called *kakari joshi* (topic/focus particles) in the theorization of the Japanese grammarian Yamada Yoshio (1873–1958), who first formulated the classification of the particles used today.

The category of ‘case particles’ is well-known among scholars of Japanese as the class of morphemes that specify the grammatical relation of the NP they mark [Frellesvig 2010]. However, far less attention has been given by contemporary scholarship to the first definition of this class, which dates back to Yamada’s *Nihon Bunpō-ron* [1908] and *Nihon Bunpōgaku Gairon* [1936]. Yamada individuates case particles as opposed to topic/focus ones on both functional and syntactic grounds: the first express case (*kaku*), do not convey emphasis, and can be combined with topic/focus markers, but not with each other. Nonetheless, we will show that case particles are not the only representatives of Yamada’s category of “case”, that he applies not only to nominals, but also to verbs, adverbs, and modifiers (cf. also [Ijima 2010]). In his sense, “case” approximates the Western notion of “grammatical category” in general, and, as such, may be expressed not only by nominal particles but also by the most diverse morphosyntactic devices and is referred to the syntagmatic relations among the elements of the sentence.

Furthermore, in our understanding, the specific function of case particles is to signal the case relations that nouns hold with other elements of the sentence (as shown in [Malchukov, Spencer 2009]). Conversely, we will show that in Yamada’s theory the same function can be fulfilled by other devices, i.e. topic/focus markers, interjectional particles, and also zero morpheme. The distance between case particles and topic/focus ones is further

reduced on both formal and functional perspectives in such morphemes as *ga* or *wo*, that are traditionally included among the case particles. Yamada observes that *ga* cannot be used in combination with topic/focus markers, as opposed to other case particles, and it is well-known that the usage of *ga* and *wo* depends on pragmatic and informative features in every historical phase of the Japanese language (cf. [Fujii 1991; Fujii, Ono 2000; Ono, Thompson, Suzuki 2000; Shimojo 2005; Frellesvig, Horn, Yanagida 2015] among others). Lastly, the interaction between case and information structure in Yamada's theorization will be also shown through his definition of the nominative, which parallels the topic in a topic-comment relation (and can be traced back to Motoori Norinaga).

In my presentation I will therefore explore Yamada's conception of case, its relation with the case particles and its interface with the information structure. This will help not only in re-evaluating the traditional class of case particles but also in reconsidering its sharp distinction with the topic/focus markers and possibly recognizing a *continuum* between the two, both on formal and functional grounds.

References

- N. Fujii. *Historical discourse analysis: grammatical subject in Japanese*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- N. Fujii, T. Ono. The occurrence and non-occurrence of the Japanese direct object marker *o* in conversation // *Studies in Language*. Vol. 24, No. 1, 2000. P. 1–39.
- B. Frellesvig. *A History of the Japanese Language*. Cambridge: CUP, 2010.
- B. Frellesvig, S. W. Horn, Y. Yanagida. Differential object marking in Old Japanese: a corpus based study // H. T. T. Daug (ed.). *Historical Linguistics 2013: Selected Papers from the 21 International Conference on Historical Linguistics, Oslo 5–9 August 2013*. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 195–212.
- A. Malchukov, A. Spencer. (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 2009.

- M. Ijima. Yamada bunpō ni okeru kakuriron — Kingendai bunten no nagare no naka ni okeru // K. Ōki, M. Saitō (eds.). *Yamada Bunpō no Gendaiteki Igi*. Tōkyō: Hitsuji, 2010. P. 181–198.
- T. Ono, S. A. Thompson, R. Suzuki. The pragmatic nature of the so-called subject marker *ga* in Japanese: Evidence from conversation // *Discourse Studies*. Vol. 63, 2000. P. 55–84.
- M. Shimojo. *Argument Encoding in Japanese conversation*. Hampshire: Palgrave Macmillian, 2005.
- Y. Yamada. *Nihon Bunpō-ron*. Tōkyō: Hōbunkan, 1908.
- Y. Yamada. *Nihon Bunpōgaku Gairon*. Tōkyō: Hōbunkan, 1936.

How to distinguish between semantically close cases: A case study on Mordvin illative and lative

R. Erkkilä

(*University of Helsinki*)

There are two goal-oriented cases in the Mordvin languages, namely illative and lative. Both of these cases are used to express the endpoint of a directed action (e.g. movement). Traditionally they have been seen semantically equal (e.g. [GMJa 1962]), but Alhoniemi [1985] showed that the difference in their use can be explained by differences in the shape of the referent of the inflected noun. However, a recent study by the author has shown that the explanation of Alhoniemi can account only for a part of the observed variation in the use of the cases.

In this paper I present an explanation that covers the whole variation. I will show that the properties of the referent of the Landmark (inflected noun), i.e. the real-world entity, indeed play a role in the choice between goal-oriented cases in Mordvin languages, but that it is only one parameter in a bigger set that speakers use to choose the appropriate case.

The theoretical framework I use is cognitive linguistics. This framework is well-suited to the study of differences in the use of grammatical elements because it is usage-based, i.e. it takes into account how the language is used and makes generalizations based

on the specific cases [Langacker 1987: 46]. This is a fruitful position, because the use of illative and lative do not differ grammatically, but the contexts of use vary. The position is quite similar to classical pragmatics. I will explore the effect of a phenomenon called pragmatic strengthening [Tyler, Evans 2003: 60–61], whereby a frequent pragmatic distinction becomes a semantic distinction affecting the grammar, in this case the choice of goal-oriented case.

In my paper I will focus on the properties of the referent of the Landmark, and the predicate of the utterance as explaining factors behind the variation in the use of goal-oriented cases in Mordvin languages. The properties can be hypothesized to be important based on previous psycholinguistic research that has shown that the shape of the Landmark affects the choice of preposition in English and German [Azañón et al. 2020; Kluth et al. 2018], as well as that the relative size of the Landmark compared to the Trajector affects the perception of them [Carlson, Covey 2005]. The predicate can have impact because the goal-oriented cases are used as adverbials, i.e. they are directly related to the predicate.

References

- A. Alhoniemi. Über die wohin-kasus im mordwinischen // *Ural-altaische jahrbücher*. Bd. 5, 1985. P. 45–53.
- E. Azañón, R. Tucciarelli, M. Siromaho, E. Amoruso, M. R. Longo. Mapping visual spatial prototypes. Multiple reference frames shape visual memory // *Cognition*. Vol. 198, 2020.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2020.104199>
- L. Carlson, E. Covey. How far is near? Inferring distance from spatial description // *Language and cognitive processing*. Vol. 20, 2005. P. 617–631.
- GMJa 1962 — М. Н. Коляденков, Р. А. Заводова (ред.). *Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. 1. Фонетика и морфология*. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.

- T. Kluth, M. Burgio, H. Schultheis, P. Knoeferle. Does direction matter? Linguistic asymmetries in visual attention // *Cognition*. Vol. 185, 2019. P. 91–120.
- A. Tyler, V. Evans. *The semantics of English prepositions. Spatial scenes, embodied meaning and cognition*. Cambridge: CUP, 2003.

Case marking in (con)verbal morphology in Nivkh

E. Gruzdeva

(*University of Helsinki*)

The focus of the paper is on the role of case markers in the formation of converbs, as attested in the East Sakhalin (ES) and Amur (A) varieties of Nivkh (isolate). The topic is approached from structural, semantic and areal perspectives. The Nivkh case paradigm contains one unmarked (nominative) and several morphologically marked cases with clearly delimited functions. The markers of perlative, destinative, ablative, dative and instrumental cases can be attached not only to regular nominal stems, but also to nominalized verbs. The complex verbal forms which arise as a result of the latter process serve as predicates of adverbial clauses and have the same verb-chaining functions as converbs of pure verbal origin.

Case markers are combined with one of two nominalized stems. The first stem is yielded by the nominalizer *-f*, which functions as a derivational deverbal marker with a general locative meaning: ES *ler-* ‘play’ > *ler-f* ‘place for playing’ > *ler-f-uye* (play-NMLZ-PERL) ‘while [sb] is/was playing’. The second stem is built with the nominalizer *-ŋ*, which is used for creating participial forms of verbs: ES *nama-* ‘be good’ > *nama-ŋ* ‘good’ > *nama-ŋ-gisk* (be.good-NMLZ-INSTR) ‘though [sb] is/was good’. As a result of the general loss of the final nasal *ŋ*, the nominalizer *-ŋ* has disappeared from the Amur variety, but it still determines the quality of the initial stop of the following case suffix: A **nama-ŋ-kin* > *nama-gin* (be.good-NMLZ-INSTR) ‘though [sb] is/was good’. The nominalized

verb may additionally contain as an obligatory or optional element the desiderative suffix ES *-inə-*: *vi-jnə-f-tʰoʔo* (go-DES-NMLZ-DEST) ‘until [sb] goes/went’, or the historically related future tense suffix A *-nə-*: *vi-nə-f-toχ* (go-FUT-NMLZ-DAT) ‘in order [sb] to go’. The stem can also be followed by a relational noun, which then takes the case suffix: ES *ra-ŋ-əŋ-ux* (drink-NMLZ-time-ABL), A *ra-tʰa:r-ux* (drink-middle-ABL) ‘while [sb] is/was drinking’.

From the semantic point of view, case-marked converbs can be divided into four major classes: temporal (marked with perlocative, destinative, or ablative), causative (marked with dative), purposive (marked with dative), and concessive (marked with instrumental). As can be seen from the *Table 1*, the converbs display dialectal variation, which may reflect different layers of underlying historical processes. A comparison with neighbouring languages demonstrates that the Nivkh system clearly follows areal patterns of converbal formation.

Table 1.

	TAM		Nominalizer		Relational noun		Case		Converb	
ES			-f	LOC			*-(u)Ke	PERL	-fuye	TEMP ‘since’
ES/A			-f	LOC			*-(u)Ke	PERL	-(f)ke	TEMP ‘when’
A			*η	PART			*-(u)Ke	PERL	-ge	TEMP ‘while’
ES	(-inə-)	DES	-f	LOC			-T ^h oβo	DEST	-(inə)ft ^h oβo	TEMP ‘until’
A			-f	LOC			-T ^h əkə -T ^h χa -T ^h oβo	DEST	-ft ^h əkə -ft ^h χa -ft ^h oβo	TEMP ‘until’
ES			-η	PART	əηη	‘time’	-ux	ABL	-ηəηηux	TEMP ‘while’
A			*η	PART	t ^h a:r	‘middle’	-ux	ABL	-t ^h a:rux	TEMP ‘while’
ES			-f	LOC			-Toχ	DAT	-ftoχ	CAUS
ES	-inə-	DES	-f	LOC			-Toχ	DAT	-inəftoχ	PURP
A	-nə-	FUT	-f	LOC			-Toχ	DAT	-nəftoχ	PURP
ES			-η	PART			-Kis ¹ -Kiř	INSTR	-ηgisk	CONC
A			*η	PART			-Kir -Kit	INSTR	-gin -girk -girn	CONC

¹ Note the minor differences between the instrumental and the corresponding converbal suffixes.

Issues of comparative Uralic and Altaic Studies (10): On the dative-locative case markers in Mongolic

J. Janhunen

(*University of Helsinki*)

The Mongolic languages have historically three suffixal case markers for the dative-locative functions (‘where’, ‘whither’):

(1) the “dative” in **-DUr*, as attested in Written Mongol, and its modern developments > *-DU* (as in Khamnigan Mongol) > *-DA* (as in Buryat) > *-Də* ~ *-D* (as in Mongolian proper);

(2) the “locative” in **-A*, as attested in Written Mongol and Middle Mongol after consonant stems, and its modern trace *-Ø* (zero);

(3) the “dative-locative in **-D-A-*, as attested in a number of spatial, e.g. *uri-d-a* ‘before’, as well as in the reflexive declension, **-D-A-xAn* > modern (***)-*DAA/n*.

The paper will discuss the synchronic and diachronic status of these suffixes. It has often been claimed that, in particular, the suffixes **-A-* and **-D-A-* have “cognates” in the Turkic and/or Tungusic languages. However, as will be shown, the formal and functional properties of the Mongolic elements do not support the assumption of a connection, and the Turkic and Tungusic elements can be shown to reflect separate language-specific innovations. Another confusion has prevailed concerning the relationship between the markers **-DUr* and **-D-A-*. It is argued in this paper that these markers do not have any direct connection with each other. The marker **-A* should be understood as the “primary” dative-locative marker in Pre-Proto-Mongolic, secondarily expanded to **-D-A-*, while the marker **-DUr* is an even later innovation apparently based on the spatial **dotor-* ‘inside’. None of the Mongolic dative-locative markers have any known “cognates” in other languages, but the suffixalization of the spatial **+dotor-*

‘inside’ is typologically paralleled by the similar suffixalization of the spatial **+doo* ‘inside’ in Tungusic. However, it cannot be ruled out that the spatial **dotor-* and **doo* are themselves “cognates” in either an areal or, perhaps more likely, a genetic framework.

The interaction between spatial cases and relational nouns in the Uralic languages of the Volga-Kama area

T. Koivunen, R. Erkkilä

*(University of Turku — Udmurt State University;
University of Helsinki)*

Uralic languages have a rich array of spatial expressions. These include spatial cases, postpositions, adverbs, and relational nouns. Relational nouns are a class of words that express mostly spatial relations and can be inflected in spatial cases. Traditionally in Uralistics they are called postpositions or adverbials depending on their syntactic position. In this paper we will focus on the use of spatial cases and relational nouns meaning ‘in’ and ‘on’ in the Mordvin, Permian, and Mari groups of Uralic languages spoken in the Volga-Kama area.

Spatial relations can be divided to two groups: simple and complex. Simple relations include only so-called topological information [Levinson 2003: 71–74]. Examples of topological relations are relations such as ‘in’, ‘on’, and ‘at’. In contrast, complex relations include also other kinds of information, especially information about the orientation of the Trajector in respect to the Landmark [Levinson 2003: 24–61]. Examples of complex relations are e.g. ‘in front of’, and ‘behind’. According to Levinson and Wilkins [2006: 550–552] languages frequently code simple relations with more simple expressions, and complex relations with more complex expressions, respectively. In the context of Uralic languages this would mean that topological information would be expressed by plain cases and orientation information by lexical forms, e.g. relational nouns.

However, our data shows that in the Uralic languages of Volga-Kama area spatial ‘in’ and ‘on’ relations are frequently coded with relational nouns instead of the expected plain spatial cases. This happens especially when the relation between the Trajector and Landmark can be considered prototypical. A typical relation between Trajector and Landmark is one that is most salient in the typical interaction between people and an object. Such relation is ‘in’ with objects that are meant to hold something, e.g. glasses or bags. On the other hand, when the spatial relation between Trajector and Landmark is less prototypical, or the relation is not spatial at all, i.e. it is temporal, instrumental etc., plain cases are used. This find seems to contradict the hypothesis put forth by Levinson and Wilkins.

In our paper, we explore the interaction between spatial cases, and relational nouns meaning ‘in’ and ‘on’ to find out what triggers the choice of each kind of spatial expression. In addition, the paper will address the methodological question of how to define a prototypical spatial relation. Thus, our paper contributes not only to the typology of spatial expressions, but also to the methodology of the research on spatial expressions. Our study is based on corpus material of seven Uralic languages spoken in the Volga-Kama area, namely Erzya, Moksha, Udmurt, Zyrian, Permyak, and Hill and Meadow Mari.

References

- S. Levinson. *Space in language and cognition. Explorations in cognitive diversity* (Language, culture and cognition, 5). Cambridge: CUP, 2003.
- S. Levinson, D. Wilkins. Patterns in the data. Towards asemantic typology of spatial description // S. Levinson, D. Wilkins. (eds.). *Grammars of space*. Cambridge: CUP, 2005. P. 512–552.

Dative case in Udihe: Semantic map

E. Perekhvaskaya

(*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences*)

The Udihe case system includes 9 cases. As in most languages, in Udihe grammatical cases combine different functions: structural and semantic; which can be functional and spatial. Among other cases, the Dative has probably the most various functions. The label of this case is conventional. It is based on the fact that this case codes the role of a recipient in ditransitive constructions with verbs like ‘to give’. However, this case has the whole range of various other usages. In fact, “the basis for naming a case „Dative“ in a particular language is subject to some variability” [Newman 1998: 11].

Dative is marked with the suffix *-du*; when followed or preceded by *i*, it may be realized as *-di*: *xunazi-di-i* (sister-DAT-REFL) ‘to one’s sister’. With certain postposition the sequence *-du-ni* is realized as *-ni-ni*: *dektuge doo-ni-ni* (box space.inside-DAT-3SG) ‘inside the box’.

Dative has both functional and spatial usages.

As a functional case it denotes: a) an indirect object (ex. 1); b) it codes a person or an object which performs the action in passive constructions (ex. 2); c) the causee in causative constructions with transitive verbs (ex. 3):

- (1) *Əxi-ni* *amba-du* *diga-laga-ni*
elder.sister-3SG spirit-DAT eat-PURP-3SG
bu-ho-ni.
give-PST-3SG
‘The elder sister gave the food to the forest spirit’.

- (2) *Bi* *ag'a-di-i* *uu-za-hi.*
1SG elder.brother-DAT-1SG be.killed-FUT.PROX.2SG
‘You will be killed by my elder brother’.

- (3) *Uti nada lusa-ziga-du sugala-wa*
 that seven Russian-COLL-DAT ski-ACC
teti-weŋ-ki-ni.
 put.on-CAUS-PAST-3SG
 ‘(She) made those seven Russians to put on skis’.

The Dative may code a direct object (ex. 4):

- (4) *Ehi eme-he jegdig’e-du nagbusi-je!*
 now come-PP hero-DAT put-riddle.IMP
 ‘Make guess a riddle the guy who has just came in!’.

As a spatial case the Dative denotes a location where an inactive state or an action anchored to one place is realized (ex.5):

- (5) *Xula doo-ni-ni zomi-nzi diga-si-e-ni*
 blanket inside-DAT-3SG by.stealth eat-DUR-PST-3SG
cu’oi-we.
 bird.cherry-ACC
 ‘They ate bird cherries under the blanket in secret’.

It is worth mentioning that the Dative in Tungusic languages violates certain predictions about a possible combination of meanings of the Dative. “Blansitt argues that a single marker can only be used to cover both dative and locative function if it also covers the allative” [Næss 2008: 578]. However, in all Tungusic languages the Dative has locative uses, in the presence of both Locative and Allative (Directive) cases.

Temporal usages of the Dative are extensions of its spatial meaning: *geāwan-du* ‘at dawn’; *waikta-du* ‘with stars (in the night)’. Examples (6–7) demonstrate the Dative coding other adjuncts: circumstances (6), cause (7).

- (6) *Doktori-du okto-si-go-i.*
 doctor-DAT treat-PRF-1SG
 ‘I was treated at the doctor’s’.

- (7) *Imaa suu-du calä-i-ni.*
 snow sun-DAT melt-PRP-3SG
 ‘The snow melts on the sun’.

The Dative also denotes a certain type of possession (ex. 8):

- (8) *Mama-du oi bie.*
 grandmother-DAT poultry be-PRP
 ‘Grandmother has poultry’.

Participles in Dative code dependent predications (circumstantial, temporal, or causal):

- (9) *‘Ai-wa tene b’a-han-di-fei umi-mei*
 vodka-ACC first.time find-PST-DAT-SS.PL drink-GER
sokto-ho-ti.
 get.drunk-PST-3PL
 ‘As they drank strong spirits for the first time they got drunk’.

It is not so easy to decide which meaning of the Dative case in Udihe should be regarded as initial: spatial or functional. The Dative in Udihe seems special as it can be regarded also as a structural case together with the Nominative and Accusative. The term “Dative” points to the semantic function of this case as the main one. However, in theory, spatial meanings are usually regarded as primary [Heine 2008; Kulikov 2008]. But the peculiar status of the Dative as a partly ‘structural’ ...and partly ‘semantic’ case may be understood as derived from its core meaning of ‘sentient affected entity’ [Næss 2008: 576].

Probably, the structural function of a ‘third participant’ is based on the semantic function of ‘sentient affected entity’ which, in its turn, is an extension of a spatial meaning that I would define as the ‘locus of action’. It is not a ‘space’ but a point to which the action is anchored. It explains the particularities of the locative uses of the Dative: it is not used with verbs of motion.

I present the following semantic scheme of probable uses of the Dative in Udihe (see *Table 1*):

Table 1.

LOCUS						
Third participant		Place of action				
Beneficiary	Recipient	Comitative	Time	Circumstance	Cause	Possession
Patiens	Recipient in causative constructions				Agent in passive	
		Causee in causative constructions	Dependent predication: Time, Circumstance			

References

- Å. Næss. Varieties of Dative // A. Malchukov, A. Spencer. (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 2008. P. 573–580.
- L. Kulikov. Evolution of case systems // A. Malchukov, A. Spencer. (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 2008. P. 439–457.
- B. Heine. Grammaticalization of cases // A. Malchukov, A. Spencer. (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: OUP, 2008. P. 458–569.
- J. Newman. The origin of the German *es gibt* construction // J. Newman (ed.). *The linguistics of giving*. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 307–320.

The status of Dative case in the Moksha case paradigm¹

P. Pleshak

(*University of Maryland*)

As in many Finno-Ugric languages, cases in Moksha can be morphologically divided into two main groups: (i) case marker follows possessive marker (NOM, GEN, DAT) (1a-b), (ii) case marker precedes it (all others) (1c) [Simonenko, Leontjev 2012]. The grouping of DAT with {NOM, GEN} rather than the lexical cases (ii) is unexpected, given that the former are structural but DAT is not. The goal of this paper is to explain the difference in morphosyntax of nominals marked with different cases. I argue that DAT belongs to a group of Ps that also includes free-standing Ps, which differ in their behavior from Ps associated with lexical cases.

1. DAT patterns with GEN not only with respect to affix order. In both, the number is distinguished: (1a-b) are unambiguously SG, while (1c) with the IN form is underspecified.

¹ The research has been supported by Russian Foundation for Basic Research, grant № 19-012-00627.

(1)

- a. *vel'ə-c'ə-n'* village-2SG.POSS.SG-GEN ' [I see] your village'
b. *vel'ə-c'ə-n'd'i* village-2SG.POSS.SG-DAT 'to your village'
c. *vel'ə-sə-t* village-IN-2SG.POSS 'in your village(s)'

Alongside with the role of recipient/benefactive, DAT functions as a directional locative case (2), but its morphosyntactic behavior remains the same.

- (2) *pet'ε suva-s' mon' kud-əz'ə-n'd'i /*
Peter enter-PST3SG 1SG.GEN house-1SG.POSS.SG-DAT
kud-əzə-n
house-ILL-1SG.POSS
'Peter entered my house'. [Kholodilova 2018: 87]

2. I argue that relational noun (RN) vs. postposition (Pp) distinction plays a crucial role in understanding of properties of oblique markers. In indefinite contexts, the former take bare complements (3) while the latter require GEN marking (4). Possessive agreement is only possible with RNs (5), not with Pps (6). The two types differ also in morphophonological processes inside the PP [Muravjeva, Kholodilova 2018].

- (3) *pet'ε s'id'ə-stə jaka-j zabər(??-ən')*
Peter often-EL walk-NPST3SG fence-GEN
kuvalmə-va
length-PROL
'Peter often walks along fences'. [Muravjeva, Kholodilova 2018: 229]

- (4) *pet'ε s'id'ə-stə koɾn'-i zabər*(-ən')*
Peter often-EL say.FREQ-NPST3SG fence-GEN
kuvalmə-va
length-PROL
'Peter frequently talks about fences'. [ibid]

- (5) *ki-t' kuvalmə-va(-nzə) jota-s'*
road-DEF.SG.GEN length-PROL-3SG.POSS pass-PST3SG
mašina
car
‘A car passed by on the road’. [ibid: 233]
- (6) *es' er'a-f-ənc*
REFL live-PTCP.RES-3SG.POSS.SG.GEN
kuvalmə-va(-nzə) at'ε-z'ə*
length-PROL-3SG.POSS g.father-1SG.POSS.SG
pək kel'k-si
very like-NPST.3SG.S.3SG.O
az-ən-kšn'-əma-nc
say-FREQ-FREQ-NZR-3SG.POSS.SG.GEN
‘My grandfather loves talking about his life’. [ibid]

3. I argue that DAT bound morpheme originates from Pps proper rather than from relational P heads (cf. locative bound morphemes). Its Pp origin is additionally supported by the fact that it behaves as a Pp in the pronominal case paradigm (7).

- (7) *t'ej(ə)-t ton'-d'ejə-t*
pron.DAT-POSS.2SG 2SG.GEN-PRON.DAT-POSS.2SG
‘to you’

In both pronominal (7) and nominal (*Table 1*) case paradigm DAT markers follow/contain GEN markers, see *Table 1*.

Table 1: Examples of GEN and DAT markers

	GEN	DAT
Indef	-n'	-n'd'i
Def	-t'	-t'i
Poss 1SG	-z'ə-n'	-z'ə-n'd'i
Poss 3SG	-nc	-ncti

If my analysis is on the right track, and DAT is a non-relational P, we expect a GEN marker to precede a DAT

marker, no possessive markers to follow DAT in non-pronominal noun phrases. Syntactically, it will still have P-like behavior, which is borne out. I showed that DAT is an exponence of a (non-relational) P head rather than of a case feature.

References

- Simonenko, Leontjev — А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев. Морфосинтаксис именного комплекса [= Morphosyntax of the noun complex] // А. И. Кузнецова (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Русские словари, 2012. С. 259–337.
- Kholodilova — М. А. Холодилова. Морфология имени [= Nominal morphology] // С. Ю. Толдова и др. (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 63–121.
- Muravjeva, Kholodilova — А. М. Муравьева, М. А. Холодилова. Послелого и реляционные имена [= Postpositions and relational nouns] // С. Ю. Толдова и др. (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 212–248.